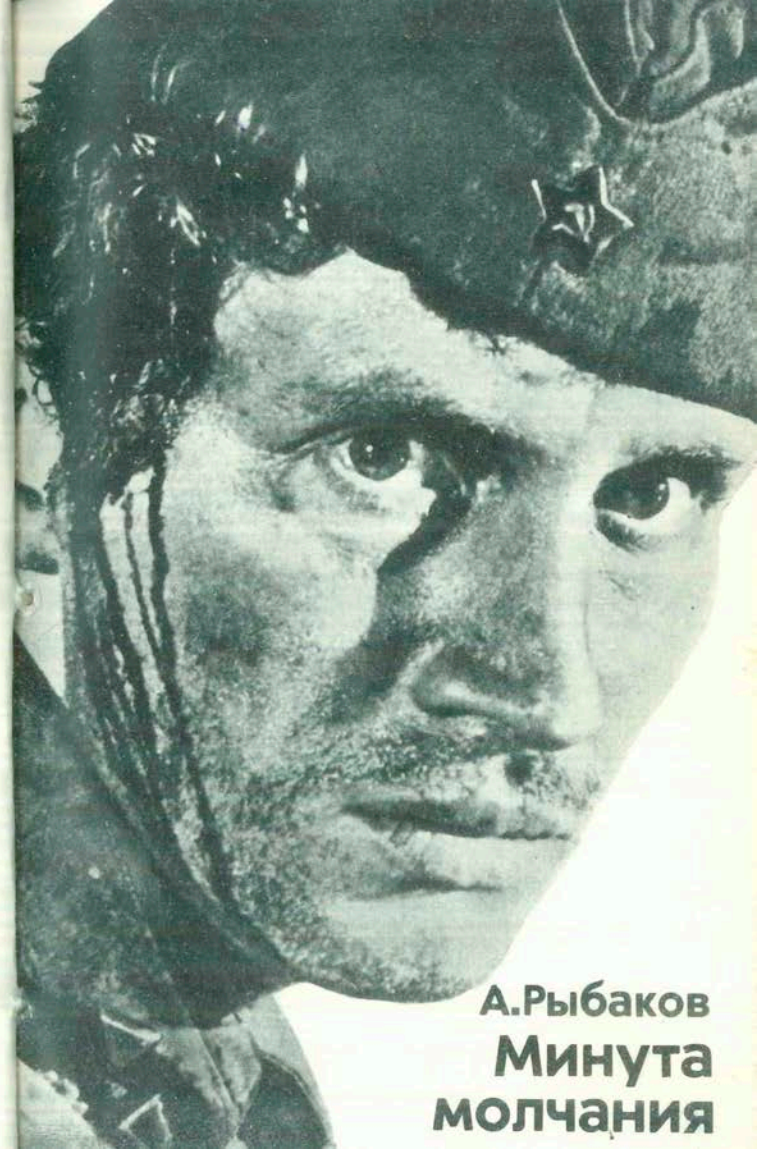


А. Рыбаков

Минута молчания

Анатолий Наумович Рыбаков родился в 1911 году. Детство его прошло в Москве. После школы работал на химическом заводе грузчиком, шофером. Окончил Транспортный институт. Во время Великой Отечественной войны А. Рыбаков был начальником автослужбы стрелкового корпуса. Награжден боевыми орденами и медалями.

Первая повесть, «Кортик», вышла в 1948 году. за ней последовали романы и повести: «Водители», «Екатерина Воронина», «Бронзовая птица», «Лето в Сосняках», «Приключения Кроша», «Каникулы Кроша», «Неизвестный солдат» и др.

Роман «Водители» А. Рыбакова удостоен Государственной премии СССР.

По сценариям А. Рыбакова поставлены фильмы: «Кортик» (режиссеры М. Швейцер, В. Венгеров, 1954), «Екатерина Воронина» (режиссер И. Анненский, 1957), «Приключения Кроша» (режиссер Оганесян, 1962), «Эти невинные забавы» (режиссер Балтрушайтис, 1969), «Минута молчания» (режиссер И. Шатров, 1971). За кинофильм «Минута молчания» А. Рыбаков удостоен премии имени А. П. Довженко и Государственной премии РСФСР им. бр. Васильевых.

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

Москва «Искусство» 1974

А.Рыбаков

Минута молчания

(НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ)

Киносценарий

778С
Р93

Рыбаков А. Н.

Р93 Минута молчания (Неизвестный солдат Киносценарий, М., «Искусство», 1974.

120 с. с ил. (Б-ка кинодраматургии).

Сценарий «Минута молчания» рассказывает о подвиге ветских солдат в годы Великой Отечественной войны, о пре ственности поколений, о духовном единении отцов и детей.

80106-091
Р————————103-108-74
025(01)-74

© Издательство «Искусство», 1974 г.

Связь между Анатолием Рыбаковым — писателем и Анатолием Рыбаковым — кинематографистом очевидна. И не только потому, что пять его произведений экранизированы и во всех этих фильмах автором сценариев был сам Рыбаков. Кстати, различие между автором, по чьему произведению делают фильмы, и автором сценария весьма существенно. Но не это я хотел сказать, упоминая о тесной связи между книгами Рыбакова и фильмами, основой которых они явились.

Не требуется специального кинематографического образования, чтобы, читая книги Анатолия Рыбакова, понять: автор видит своих героев и все, что с ними связано, — кинематографически.

Уже первая книга «Кортик» производила впечатление кинофильма, воспроизведенного в виде книги: настолько рельефны были герои повести, захватывающе динамичен сюжет, стремительно его развитие. В «Кортике» не было ничего расплывчатого, неопределенного, ничего, что не «работало» бы на сюжет. И отчетливо ясно, что писатель обит то, что в кино зовется «крупным планом»: он как бы приближает героя к читателю, дает ему возможность разглядеть во всех деталях не только внешний портрет героев, но и их духовную сущность.

Между выходом повести «Кортик» и появлением одноименного фильма прошло почти четыре года. В дельнейшем, после опубликования книг Анатолия Рыбакова: «Приключения Кроша», «Екатерина Воронина», «Неизвестный солдат», фильмы, сделанные на их основе, появлялись меньше чем через два года — явление редкостное для столь сложного и специфического производства, как кинематограф. Интерес кино к книгам Анатолия Рыбакова объяснялся социальным и нравственным звучанием про-

изведений писателя, их отчетливо кинематографическим характером.

Но характер произведения почти всегда органически связан с характером его автора. Анатолий Рыбаков — писатель (и, очевидно, человек) необыкновенно действенный. Ему противопоказана описательность. Когда он пишет об интересных ему людях (а о других он и не пишет!), то обязательно должен проследить, что произойдет в конце концов с героями его книги. Поэтому, написав «Кортик», он вернулся к этим мальчишкам и девчонкам в повести «Бронзовая птица»; создав в повести «Приключения Кроша» оригинальный и самобытный характер нашего современника-подростка, продолжает в своих следующих книгах внимательно следить за тем, как вырастает из наивного и чистого мальчишки юноша с твердыми нравственными убеждениями, знающий границу между добром и злом, ненавидящий равнодушие.

Конечно, нет никакой видимой сюжетной связи между детьми, живущими в повестях «Кортик» и «Бронзовая птица», и героями рыбаковского фильма «Минута молчания». Сюжетной нет, а внутренняя и духовная связь прослеживается совершенно отчетливо. В «Кортике» мы впервые познакомились с детьми, чье духовное формирование пришлось на необыкновенные годы революции. Они родились в царской России, помнят гражданскую войну, они те, кого сейчас с почтительным удивлением называют «первыми пионерами». Мы расстались с ними, закрыв веселую и увлекательную книгу «Бронзовая птица», расстались тогда, когда, став комсомольцами, они наслаждаются своей молодостью, своим сопричастием ко всему великому, что происходит в нашей стране. Мы заканчивали эту дилогию с мыслью: неужели мы с ними больше никогда не встретимся — с этим поколением, принявшим на свои плечи все великое, все трудное, радостное и горькое, что ему предстояло впереди...

Но в действительности мы в произведениях Анатолия Рыбакова с этим поколением встречались. И не один раз.

Анатолий Рыбаков не мог о нем не писать, ибо он сам к этому поколению принадлежит.

Анатолий Рыбаков родился в 1911 году. Он сам и жил в той украинской деревне и в Москве, в том доме на Арбате, которые описаны в «Кортике». Герои повести — сам автор и его друзья. Когда мы читаем романы «Водители» и «Екатерина Воронина», понимаем, что людей, в них описанных, автор знает не понаслышке, он среди них жил, с ними работал. И было естественным наше читательское ожидание, что Анатолий Рыбаков опубликует и такое произведение, которое отразит кульминацию его собственной биографии и биографии его поколения: Великую Отечественную войну...

Нас не должно удивлять, что киносценарий «Минута молчания» Анатолий Рыбаков написал через четверть века после окончания войны. Для поколения, прошедшего через эту войну, не существует никакой границы давности. В сознании и чувствах тех, кто, подобно автору сценария «Минута молчания» и его товарищам, пять лет шел к победе через огонь и воду, через поражения и победы, никогда не угаснет память о своих товарищах, не доживших до победы, зарытых в бесчисленных могилах величайшей войны. «Вечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвения, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе...» — так определил эти чувства другой фронтовик, Александр Твардовский.

«Вечное обязательство живых перед павшими» Анатолий Рыбаков ощущает прежде всего и больше всего перед теми, кто, выполняя свой воинский долг, ушел из жизни, не успев оставить свое имя не только в приказах и наградных листах, но даже и на фанерном обелиске, наспех поставленном на братской могиле. Великое и горькое чувство неоплаченного долга перед ними высказал Твардовский в строках своей знаменитой поэмы:

«Кому память, кому слава,
Кому — темная вода...
Ни приметы, ни следа...»

Огромное, безмерное уважение народа к памяти НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА выразилось в символике вечного огня, горящего перед кремлевской стеной, перед памятниками во множествах городов нашей страны.

В самом начале сценария «Минута молчания» автор показывает нам этот огонь, бьющийся на ветру перед людьми, которые в скорбном молчании, сменяя друг друга, стоят у могилы Неизвестного солдата. «Что привело их сюда? Кого потеряли они безвестно пропавшим в войну или похороненным где-то далеко, за тысячи верст от родного дома? Отца, брата, мужа, сына, любимого? Какие надежды, что несбывшееся похоронено в этой могиле? И кто он, этот безвестный солдат, олицетворяющий для миллионов людей их трагическое и великое прошлое?»

Для Анатолия Рыбакова этим Неизвестным солдатом является его современник, его друг, тот, о ком он писал еще в «Кортике». Это он и его товарищи строили Магнитку и Кузбасс, Комсомольск и Байкало-Амурскую магистраль, тракторные и автомобильные заводы на Волге. Это они создавали совхозы и колхозы, работали, не зная в своем упорном и великом труде ни отдыха, ни покоя. И это они взялись за оружие в те самые «роковые-сороковые», когда решался самый вопрос о существовании построенного ими социалистического общества... Их — это поколение и вывел Анатолий Рыбаков в тех пяти солдатах, которые, оказавшись окруженными врагами, принимают неравный бой и идут на смерть без всякой надежды на спасение, без оглядки на посмертную славу...

Писатель и кинодраматург Анатолий Рыбаков рассказывает в «Минуте молчания» о том, что по самой скромной, самой справедливой оценке может назваться «подвигом». Но герои его сценария меньше всего похожи на тех «чудо-богатырей», которые когда-то кочевали из одного фильма в другой...

Нетерпимый к любой риторике, к малейшему проявлению ложного пафоса, писатель вывел в сценарии самых что ни

на есть обычных, ничем не выделяющихся солдат. Несколько смешной в своем служебном усердии старшина Бокарев; ворчливый Огородников; тихий Краюшкин; ничем не выделяющийся Вакулин и Лыков — они дорожат любой минутой отдыха, не прочь позубоскалить с деревенскими бабами, выпить стакан самогона... Все это до тех пор, пока не настает время выполнения своего воинского долга. Как тогда, на глазах меняются эти скромные, тихие, «обыкновенные» люди! Все, что происходит на окраине маленького городка, захваченного фашистами, — лишь один из небольших эпизодов народной войны с оккупантами, эпизодов, не отмеченных ни в какой даже сводке. Один за другим погибают советские солдаты. Погибают в бою. Без громких слов, без всякой патетики. И тогда тихий, застенчивый Краюшкин — последний из пятерки — идет по улице, забрасывая фашистов гранатами, он — во всем величии своего подвига — не перестает быть тем, кем он был до своей героической гибели...

Но в «Минуте молчания» замысел писателя идет значительно дальше рассказа об одном из героических эпизодов Отечественной войны. Повествование в нем идет в двух планах: и рядом с подвигом пяти солдат, отдаленная от него двумя с лишним десятками лет, идет жизнь молодого рабочего дорожно-строительного отряда Сергея. Для читателей книг Рыбакова это образ знакомый, его появления они ждали давно и с нетерпением. Сергей — это наш старый и милый Крош из повестей «Приключения Кроша» и «Каникулы Кроша». Читатели и кинозрители, мы давно следили за развитием этого прямого, чистого и честного характера, с самого детства усвоившего «что такое хорошо и что такое плохо»... Нам давно хотелось узнать, кем же вырастет Крош: сохранит ли он подростковую непримиримость ко всякому злу, передастся ли нашему современнику та нравственная требовательность, которая была характерна для героев первых книг Анатолия Рыбакова?

И вот той странной, той невероятной властью, которой

располагает художник, Анатолий Рыбаков заставил встретиться героев «Кортика» и героя цикла книг о нашем современнике... Рабочие, строящие дорогу, наталкиваются на безвестную могилу одного из солдат Великой Отечественной войны. Они, конечно, делают все, что в таких случаях положено: бережно переносят могилу в сторону, восстанавливают на ней скромный фанерный памятник...

Но для молодого рабочего Сергея на этом вовсе не оканчивается этот случайный эпизод. Для него — как и для многих людей его поколения — война давно уже стала только историей. О ней написано в книгах, учебниках, стихах, рассказано в кинофильмах. И сам Сергей вырос в редкой семье, не обездоленной войной. Впервые он сталкивается с суровыми и жестокими следами войны — с безымянной солдатской могилой. И, оказывается, ему мало, что не позволили сравнять эту могилу бездумному молодому бульдозеристу, считающему, что-де все равно, где лежать солдатским костям: над дорогой или под дорогой... Сергея томит чувство невысказанного, неоплаченного долга перед неизвестным солдатом, могилу которого они обнаружили. Понятно, когда это чувство испытывает пожилой рабочий Сидоров, для которого этот неизвестный солдат — товарищ по войне, по всему им испытанному. Но почему же возникает чувство тревоги, долга у этого молодого парня — вчерашнего школьника, не попавшего в институт и пожелавшего временно «окунуться в жизнь»?..

Ответ на этот вопрос дают нам две предшествующие книги Анатолия Рыбакова, посвященные становлению характера Кроша. Мы уж говорили, что писатель никогда, ни в какой своей книге не стремился к изображению исключительных характеров, резко выдающихся человеческих качеств. Ему всегда интересно вглядываться в самого что ни на есть «обычного» человека. Так же как солдаты в «Минуте молчания» не носят никакой печати исключительности, так же совершенно обычным, «усредненным» школьником является Сережа Крашенинников, которого все вокруг называют Крошем... Он вырос в обычной советской семье, самой нормальной, не отмеченной никакими особенными качествами. Кроме главных: в ней твердо и уверенно знают, как себя должен вести настоящий человек в нашем обществе. В семье, в школе, среди взрослых и сверстников растет Крош, твердым становится его нравственный костяк, он все отчетливее понимает невозможность идти на какой-либо компромисс со злом. В нем это проявилось еще тогда, когда он находился на переходе от детства к отрочеству; в нем это оформилось в первых же жизненных конфликтах; в нем это окончательно сложилось, когда он впервые вступил в самостоятельную жизнь.

В «Минуте молчания» первое появление Кроша совершенно ничем не предвещает того, что произойдет дальше. Сережа внешне ничем не отличается от столь хорошо нам — по книгам, по кинофильмам — знакомого типа современного юноши. Начитанный, ироничный, любящий новые впечатления, острослов... Но за этим поверхностным слоем лежит глубокая убежденность и нравственная требовательность, такая, которую некогда проявили те солдаты, один из которых зарыт в безымянной могиле... Сергей — прямой духовный наследник поколения, которое легло в землю, защищая свою землю, свой народ. И поэтому вокруг Сергея создается тот нравственный микроклимат, в котором плохо и стыдно циникам, бездуховным потребителям.

В заключительной сцене сценария, в прощании людей с Солдатом Великой Отечественной войны, — идейный и художественный смысл сценария Анатолия Рыбакова. Связь поколений не прервалась, жизнь, которую отстояли советские воины, продолжается в неразрывном духовном единении со своими отцами и дедами. Торжественной, исполненной глубокого смысла «минутой молчания» кончается произведение, объединяющее старую повесть «Кортик» с современной историей Сергея Крашенинникова.

Лев РАЗГОН

Осветительные ракеты взлетают в темное небо.

Тишина.

Разбитый большак. Опушка леса. Неподвижны деревья.

Лежит у дороги убитый солдат.

Три женщины копают могилу.

— Шнель, шнель! — поторапливает их немец с винтовкой.

Ночь опускается на землю.

Немец зажигает электрический фонарик, кружок света движется по телу убитого и останавливается на пуговице со звездой. Немец расстегивает карман солдатской гимнастерки, достает оттуда какие-то бумажки, комкает, бросает, потом достает фотографию, на ней мы неясно видим группу солдат... Пристально смотрит на нее и рвет. Белые клочки фотографии, медленно кружась в воздухе, падают на землю...

Чернеет прямоугольный провал могилы.

Солдат сталкивает туда труп.

Женщины забрасывают его землей.

Немец вскидывает винтовку на плечо, уходит.

Женщины подбирают то, что выброшено из кармана солдата: кусочки разорванной фотографии, старую промокашку, картонный квадратик, кисет, носовой платок, самодельную зажигалку...

Женщины уходят, ночь поглощает их. Чуть заметный холмик светлеет на опушке леса.

Москва. Могила Неизвестного солдата у кремлевской стены. Горит вечный огонь. На граните надпись: «Имя твое неизвестно, но память о тебе бессмертна».

Подходят люди, кладут цветы, стоят в скорбном молчании, уходят, их сменяют другие: молодые и старые, пожилые и совсем дети, домохозяйки и служащие, военные и студенты, рабочие и интеллигенты, мужчины и женщины, юноши и девушки...

Что привело их сюда? Кого потеряли они безвестно пропавшим в войну или похороненным где-то далеко, за тысячи верст от родного дома? Отца, брата, мужа, сына, любимого? Какие надежды, что несбывшееся похоронено в этой могиле? И кто он, этот безвестный солдат, олицетворяющий для миллионов людей их трагическое и великое прошлое?..

Бежит широкая благоустроенная автомагистраль и внезапно обрывается: асфальт сменяется булыжной мостовой. Это улица маленького города Корюкова. Кончается улица, кончается булыжная мостовая, и снова, теперь уже за городом, широкая асфальтированная магистраль.

Здесь она еще только прокладывается. Подъезжают и отъезжают самосвалы, движутся катки, продвигаются асфальтоукладчики, на обочине — подвижные бетономешалки, неподалеку — жилые вагончики.

Жаркий июньский день. Дымится горячий асфальт. Рабочие в майках или обнаженные до пояса — загорелые лица, испачканные мазутом и машинным маслом.

На много километров растянулся дорожно-строительный отряд. Новая трасса, прямая как стрела, то совпадает со старой дорогой, то оставляет ее, кривую и извилистую, в стороне. Могучая техника, грохоча и лязгая, выступает на пространство.

Ведет свой бульдозер Андрей — здоровый, полуобнаженный парень.

Блестящий стальной нож срезает грунт, профилирует земляное полотно.

За бульдозером движется канавокопатель, за штурвалом — Сидоров, пожилой рабочий.

И вдруг останавливается бульдозер, повисает над землей нож.

— Чего стал?! — кричит Сидоров.

Андрей сходит с машины, вглядывается в полотно.

Подходит Сидоров.

Перед ними — заросший травой холмик, знакомая нам могила неизвестного солдата.

Подъезжает самосвал. Из него выходит Юра — красивый парень в кожаной куртке с молниями.

— Что нашли, хлопцы? Клад? Я в доле.

Наклоняется — на земле упавший полусгнивший штакетник, выцветшая деревянная звезда.

Андрей садится в кабину, включает рычаги, нож надвигается на могилу.

— Ты что делаешь? — кричит Сидоров.

Сидоров стоит на могиле, перед ним нож.

— «Чего, чего»! — отвечает Андрей. — Подравняю.

— Я тебе подравняю, — угрожающе произносит Сидоров.

Ю р а. Разница тебе, как он будет лежать: над дорогой, под дорогой?

С и д о р о в. Ты в земле не лежал, а я лежал, может, рядом с ним. *(Оборачивается в ту сторону, где машины ссыпают гравий, кричит.)* Товарищ Воронов!

Подходит прораб Воронов, тридцатилетний деловой и категоричный администратор. Приказывает Андрею:

— Обойди это место. Пришлю землекопов — перенесут.

Сидоров кивает в сторону железной дороги.

— До обходчика бы дойти, спросить...

В о р о н о в *(морщится)*. Ну идите, только быстро!

Сидоров идет по дороге. Его окликают:

— Сидоров!

Сидоров оглядывается. Его канавокопатель стоит на дороге, мешает проезду самосвалов...

Тот же голос:

— Убери машину, держишь всех!

Сидоров осматривается. Женщины ровняют на дороге гравий, с ними работает Сергей — молоденький парнишка в яркой рубашке.

— Серега!

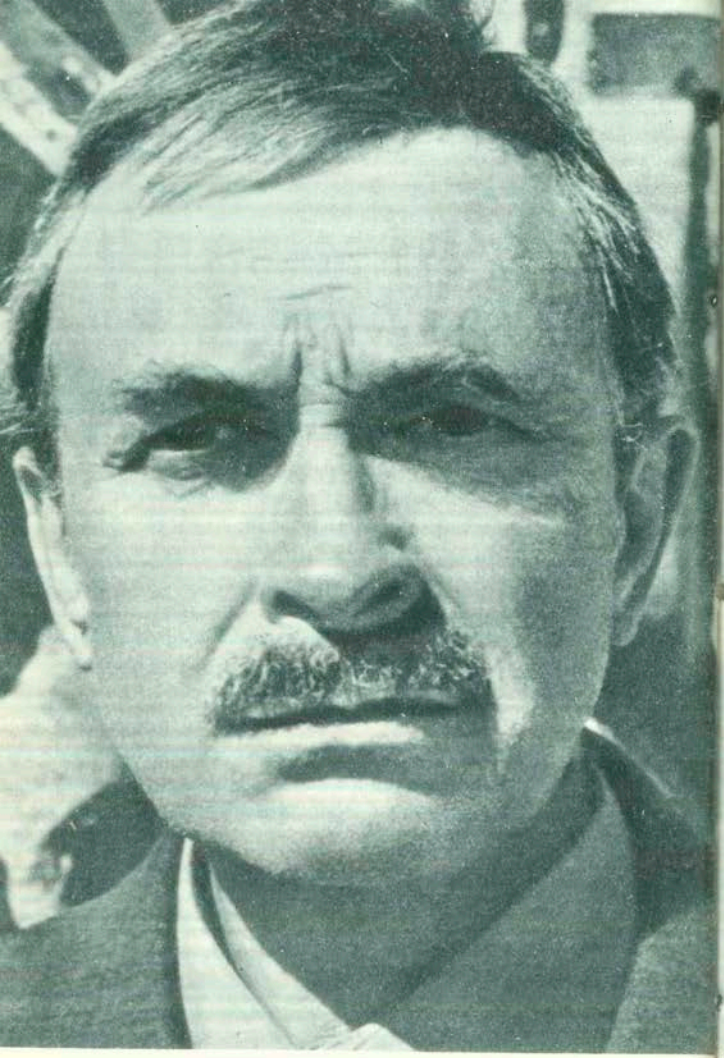
Сергей притворяется, что не слышит,

— Серега!

— Ась?

Сергей оборачивается.

— Ась, двась, — сердится Сидоров. — Сбегай к обходчику, спроси: чья могила?



— Ага. — Сергей понимающе кивает, но не двигается с места.

Ермакова — толстая, пожилая работница в мужских брезентовых брюках — облокачивается на грабли.

— Чего командуешь?

— Воронов приказал, — отвечает Сидоров.

Сергей направляется к железной дороге. На лице его тоска.

— А побыстрее не можешь? — кричит Сидоров.

Сергей, имитируя бег, переваливается, как кавалерист, сошедший с седла.

Старик обходчик колет дрова. Небольшие чурки аккуратно сложены под навесом.

Сергей подкрался сзади, гаркнул:

— Гражданин!

Обходчик вздрагивает, роняет топор, оглядывается.

Сергей пальцем, через плечо показывает на дорогу, казенным голосом спрашивает:

— Чья могила?

Обходчик оправился от испуга.

— Тебя кто учил так с людьми разговаривать, где тебя воспитывали?

Сергей делает загадочное лицо.

— Меня воспитывали, папаша, в высшей школе *(делает паузу)* верховой езды. Так чья могила?

Старик опять берет топор, поворачивается спиной к Сереже.

— Не знаю.

— Ты что же, никогда на дороге не бывал?

— Вот она, моя дорога. — Старик кивает на рельсы.

— Следствие идет, — угрожающе произносит Сергей.

— Вот пусть следователь и придет.

— Папаша! — В голосе Сергея звучит пафос. — Надо быть выше. А может, все-таки знаешь, а?

Старик молча колет дрова, потом, не оборачиваясь, говорит:

— Ходила тут одна женщина, лет пять назад, Софьей Павловной звали или Петровной, нет, Павловной...

— Фамилия? — деловито спрашивает Сергей.

— Фамилии не знаю. Из города ходила.

Вечер. Ярко освещены вагончики отряда. Они стоят замкнутым кругом, обращены к его центру открытыми дверями. Тихо тарахтит локомобиль передвижной электростанции. Ощущение тишины, отдыха после тяжелого рабочего дня.

Шатер-столовая. Кончился ужин, официантка вытирает столы (они на столбиках врыты в землю), подметает земляной пол.

Нормировщица Люда наклеивает портреты ударников на Доску почета.

Пожилой инженер Виктор Борисович читает журнал.

За самым длинным столом, по одной его стороне, за шахматными досками сидят Воронов, Андрей, Юра, Сидоров, Маврин (бывший моряк в тельняшке). У них напряженные, сосредоточенные лица. С другой стороны стола расхаживает Сережа — он дает сеанс одновременной игры. Теперь он собран, серьезен, даже величествен.

Официантка недовольно смотрит на них: они мешают ей убирать; потом подсаживается к крайнему небольшому столику, за которым Ермакова гладит белье. Послюнявленным пальцем она трогает утюг.

— Совсем холодный...

О ф и ц и а н т к а *(кивает на кухню).* Остыла уже плита. Время девятый час. *(Кивает на игроков.)* Не дают уборку закончить, будут сидеть...

Е р м а к о в а. А ты их гони!

О ф и ц и а н т к а. Так ведь с а м играет... *(Кивает на Воронова.)*

Е р м а к о в а. Чем водку пить, пусть уж лучше свои шашки двигают...

В о р о н о в *(мрачно).* Сдаюсь... *(Встает, закуривает, с огорчением смотрит на доску, отходит.)*

Официантка в ту же минуту подходит к столу с веником.

— А ну, подберите копыта!

Игроки, продолжая играть, поджимают ноги...

Официантка подметает под столом.

Л ю д а *(ставит портрет Юры в центре Доски почета).* Смотри, Юра, где ты будешь красоваться.

Юра, не отрываясь от шахмат, полунасмешливо-полузначительно:.

— Работать надо!

В о р о н о в. Нет! В первый ряд женщин. А то мы их только Восьмого марта вспоминаем, и то только для того, чтобы самим выпить...

С е р е ж а *(у доски Андрея)* Ход?

А н д р е й. Думаю...

С е р е ж а. Ход не сделан — поражение!

А н д р е й *(двигает фигуру).* На, на, не фурыкай!

Сережа делает ответный ход, идет к следующей доске.

Воронов ревниво косится на шахматные доски, говорит инженеру Виктору Борисовичу:

— Все-таки надо разыскать эту тетку, что ходила на могилу...

В и к т о р Б о р и с о в и ч *(перелистывает журнал).* Вон Юра сгоняет на машине...

Ю р а. Я буду ходить по домам, а машина будет стоять.

В о р о н о в *(насмешливо).* Государственный ум!

В и к т о р Б о р и с о в и ч. Тогда гроссмейстера. *(Кивает на Сережу.)*

В о р о н о в *(Люде).* Куда клеишь? Я же тебе сказал: женщин в первый ряд.

Л ю д а. Не хватает женщин для первого ряда.

В о р о н о в. Добавь им одного мужчину посмазливее...

Л ю д а. Вот я и ставлю Юру.

В о р о н о в. Ну да, для тебя он первый красавец — Собинов плюс Шаляпин! *(Обращается к Сереже.)* Так вот, Серега...

Сережа молча продолжает игру.

Воронов. Так вот, Серега! Пойдешь завтра в город, разыщешь эту женщину, скажешь, чтобы убирала могилу. Говори вежливо: если, мол, надо перенести останки — поможем.

Сережа *(продолжает играть)*. Не могу.

Воронов. Почему?

Сережа. Авторитета не хватает.

Воронов *(насмешливо)*. Тоже личность! Не дорожный участок, а симпозиум... А идти придется!

Сергей. А кто за меня будет работать? Работа сдельная!

Воронов *(насмешливо)*. На твою квалификацию замену найдем. С утра отправляйся и найди. Город весь — вот *(показывает кончик пальца)* три улицы...

Сергей у доски Юры.

Юра *(назидательно)*. Не выигрывай у начальника!

Два новых панельных дома странно выглядят на окраине одноэтажного Корюкова. Они стоят на отшибе, почти в поле, вокруг них — огороды, разделенные колышками, уже покосившиеся деревянные сараи. Сушится на веревках белье, пасутся козы, дети играют на деревянных мостках, проложенных между домами и дорогой.

Маленькая однокомнатная квартира. Тоже впечатление деревенского быта, втиснутого в современный дом. На полу — дорожки, на кухне сушатся на нитке грибы, на скамье — ведра с водой, прикрытые деревянными круглыми крышками, в ванне — капуста, тут же — бочонок с огурцами. И как единственный знак современности — устаревшего типа, громоздкий телевизор.

Против телевизора сидит хозяйка, Софья Павловна, старая, грузная, больная, одинокая женщина, в которой едва можно узнать одну из тех, кто тридцать лет назад закапывал тело неизвестного солдата.

На экране телевизора — урок современных танцев. Элегантные молодые люди и девушки под руководством еще

более элегантного инструктора показывают фигуры... «Дамы делают полуоборот направо, кавалеры — полуоборот налево...».

Сергею смешно смотреть, как эта грузная больная старуха внимательно следит за происходящим на экране...

— В свои годы, — вздыхает Софья Павловна, — была я большая любительница до танцев, обожала до самой невозможности. И вальс, и краковяк, и падеспань... Призы брала.

— А шейк? — спрашивает Сергей.

Софья Павловна согласно кивает головой.

— Все танцевала, все как есть. Курсов никаких не проходила, а только раз посмотрю — и весь танец понимаю. Было, все было да прошло. Старая — кому нужна?

На потолке слышен топот ног.

— Кругом люди, — продолжает Софья Павловна, — и наверху и по сторонам, а я все одна. Дом новый, а выйти некуда, да и ноги не ходят... Ночью во всех углах трещит, а что трещит — не пойму... Ну, так вот, было это дело в сорок втором году, в сентябре. Пригнали нас ночью, он ничком лежал, выкопали мы яму, они туда его и спихнули. Мужчина был сухой, ладный, высокий — яму длинную копали. Ходили мы с подругами на его могилу и в войну и после войны, потом померли подруги мои, осталась я одна, тоже ходила, а теперь совсем больная стала, в магазин сходить и то задача. Душа болит за него, лежит один в чистом поле, а что делать? Найдутся, думаю, добрые люди, доглядят... Вот ты и пришел...

— А кто он, как его фамилия? — спрашивает Сережа. Что-то новое забрезжило для него в этой истории.

— И-й, милый... Кабы знала его фамилию. Нету у него фамилии. Знаем про него одно — закидал он гранатами немецкий штаб, разгромил вчистую... Ходили мы тут к одному, Михееву, сады богатые держит, у него в войну солдат наш раненый от немцев прятался, думали, может, этот... «Действительно, говорит, был у меня солдат, только ушел. Убили его немцы»... Как звали вроде помнит... а фамилию — нет.

С е р г е й. Значит, ни вы, ни Михеев не знаете фамилии.

С о ф ь я П а в л о в н а. Выходит так, милок... Документов при нем не было, потому и не знаем... Подобрали мы, что немец из его карманов повыбрасывал: фотография, там помню, была, зажигалка, еще кое-что... Все в школу сдала, школьники этим занимаются, внучонок и снес. *(Подходит к окну.)* Петька!

Играющий во дворе мальчик подымает голову.

— Чего?

С о ф ь я П а в л о в н а. Проводи их в школу...

Сережа ошеломлен.

— Зачем? Все равно там фамилии не знают...

С о ф ь я П а в л о в н а. А школа-то близко... Петька!! *(Закричала в окно.)*

Сергей и Ирина — красивая, медлительная девушка, в школе, в комнате штаба «Дорогой славы отцов».

На стендах — каски, пилотки, гильзы, старая винтовка с зарубками на прикладе... На стендах увеличенные портреты воинов — солдатские лица, суровые лики войны.

И р и н а *(роется в шкафу)*. Я помню, приносили этот пакет в прошлом году. Но там не было фамилии, не было документов. Мы отложили розыск. Осенью займемся.

Наконец она достает сверток, развертывает, высыпает содержимое на стол: склеенная из кусков фотография, старая промокашка, кисет с вышитой на нем буквой «К», самодельная зажигалка, маленький картонный квадратик из детского лото с изображением утки...

Сергей рассматривает фотографию. Пять солдат сидят на бревне, на фоне леса. В середине — бравый старшина, слева — два молодых солдата, справа — два пожилых.

Сергей переворачивает фотографию. На обороте написано: «Будем помнить ПРБ-96»...

С е р г е й. Что за ПРБ-96?

И р и н а *(удивленно пожимает плечами)*. Я даже не обратила внимания на эту надпись... Наверно, так называлась их часть.

С е р г е й *(с деланным восхищением)*. Правильно, точно, молодец! А ты что, пионервожатая?

И р и н а *(сдержанно)*. Да.

С е р г е й. А сама в каком классе — в девятом, в десятом?

Ирина, видя, что Сергея интересуют не солдаты, а она сама, не отвечает, молча складывает вещи...

С е р г е й. Слушай, дай мне эту фотографию.

И р и н а. Зачем?

С е р г е й. Должен я отчитаться перед начальством, а то скажут: не ходил.

И р и н а *(дает фотографию)*. Только верни.

С е р г е й *(с энтузиазмом)*. А как же! Завтра же. Ты где живешь? *(Доверительно трогает ее за локоть.)*

И р и н а. Какая тебе разница, где я живу, принеси в школу, мне передадут. *(Отдергивает локоть.)*

Она запирает шкафчик, идет к двери...

С е р г е й *(задерживает ее)*. У вас тут, кажется, есть танцплощадка?

И р и н а. Есть. Могут и тебя пустить *(насмешливо оглядывает его)*, если пострижешься.

С е р г е й *(трогает свои волосы)*. Дело к зиме идет, утепляюсь...

И р и н а *(закрывает дверь)*. А дорога — романтика?

С е р г е й. Ты угадала: муза дальних странствий...

Они выходят из школы. На лавочке — сторожиха. Ирина отдает ей ключ.

С е р г е й *(опять пытаясь задержать Ирину)*. Так как, договорились? Идем на танцы. Завтра.

И р и н а. Завтра нет танцев.

С е р г е й. Послезавтра.

И р и н а. Послезавтра я буду у бабушки.

С е р г е й. Послепослезавтра.

И р и н а. Пятница? Опять нет танцев.

С е р г е й. Ясно!.. А как насчет кино?

И р и н а. Я видела эту картину.

С е р г е й. Какую?

Ирине нечего ответить. Оба засмеялись.

И р и н а. Ну, пока!

С е р г е й. Постой! *(Ударяет себя по лбу.)* Совсем забыл. Мне эта тетка, Софья Павловна, сказала, что про солдата знает один ваш житель, Михеев. Известен тебе такой?

И р и н а. Михеев?.. Садовод?

С е р г е й. Во-во! *(С энтузиазмом.)* Слушай, надо обязательно к нему сходить. Это важно, я бы даже сказал — существенно.

И р и н а. Да, пожалуй... Жалко, ребят сейчас нет никого.

С е р г е й *(назидательно)*. Сама сходи, покажи пример.

И р и н а *(смеется)*. Ты тип... Ладно, придется пойти.

С е р г е й *(моментально реагирует)*. Вот мы и сходим, все узнаем. Мы этого солдата найдем мгновенно.

Ирина насмешливо смотрит на Сергея.

С е р г е й *(оглядывает себя)*. Чего ты так смотришь?

И р и н а *(насмешливо)*. Курьеры, курьеры, тридцать тысяч курьеров...

С е р г е й. Даем телеграмму, получаем ответ, уточняем фамилию, розыск закончен!

И р и н а *(напевает)*. Курьеры, курьеры, тридцать тысяч курьеров...

С е р г е й. Ты хочешь сказать, что это не так быстро...

И р и н а. Курьеры, курьеры... Да, приблизительно это я и хотела сказать.

С е р г е й. Ага, понятно, но ведь вы писали?

И р и н а. Писали, конечно.

С е р г е й. Письма?

И р и н а. Да.

С е р г е й. А мы дадим телеграмму! «Молния»! Ответ оплачен! Понятно?!

Сергей на почте, за столиком, пишет телеграмму:

«Москва. Центральный военный архив. Просьба сообщить, пожалуйста, где в сентябре 1942 года находился ПРБ-96, жив ли кто-нибудь из его командиров и их адрес. Ответить прошу по адресу: город Корюков, дорожно-строительный отряд...»

Сережа у окошка.

Девушка читает телеграмму, спрашивает:

— Простая? Срочная?

— «Молния»! — важно отвечает Сережа.

— Тринадцать пятьдесят!

У Сережи вытягивается лицо.

— То есть, извиняюсь, срочная.

— Четыре пятьдесят...

Сережа считает деньги, их не хватает.

— Запутаешься с вами, — говорит он девушке, — я хотел сказать — обыкновенную...

— Рубль пятьдесят...

Сережа платит деньги, получает квитанцию, отходит
окошка, вынимает из кармана фотографию солдат, прикл
дывает к ней квитанцию, смотрит на фотографию...

Гул самолета нарастает.

На бреющем полете намецкий самолет обстрелива
советские автомашины. Они стоят на проселочной доро
три ЗИСа и два ГАЗ-АА, соединенные по две в жестк
сцепке.

Самолет удаляется, и звук его пропадает.

Тишина.

Машины стоят на прежнем месте.

Пустынная проселочная дорога, неубранные поля.

В пшенице ничком, неподвижно лежат пять солдат.

Над ними хмурое осеннее небо.

Первым поднимается Бокарев, оправляет широкий кома
дирский ремень и портупею, поправляет полевую сумку
планшет. Это щеголеватый, подтянутый старшина, на гру
его медаль «За отвагу» и гвардейский значок.

Приподнимается Вакулин — молодой, русоволосый, кр
сивый парнишка, садится, опасливо посматривает на не

Встает Краюшкин, тщательно стряхивает с себя земл
вытирает винтовку — аккуратный, хозяйственный, добр
душный солдат лет сорока.

Бокарев мрачно осматривается, идет в глубь пшениц
останавливается возле Огородникова и Лыкова. Они по-пр
жнему лежат ничком, неподвижно, точно убитые.

Б о к а р е в. Ну! Долго будем лежать?

Лыков чуть поворачивает голову, косится на Бокарев
потом на небо, поднимается, держа винтовку в руках,
небольшого роста солдат, кругленький, мордастеньки
философствует:

— Согласно стратегии и тактике, не должон был он сю
залететь.

— «Стратегия», «тактика», — передразнивает его Бок
рев, — заправьте гимнастерку, рядовой Лыков!

Лыков поправляет гимнастерку.

Поднимается и Огородников — высокий, солидный, пред-
ставительный шофер с брюшком, снимает пилотку, вытирает
лысину платком, отдувается, сварливо замечает:

— На то и война, чтобы самолеты летали и стреляли... Тем
более едем без маскировки... Непорядок...

Этот упрек в нераспорядительности явно адресован стар-
шине Бокареву, и тот грозно отвечает:

— Много рассуждаете, рядовой Огородников! Где ваша
винтовка?

О г о р о д н и к о в *(угрюмо)*. В кабине осталась.

Б о к а р е в. Оружие бросил, солдат называется, за такие
дела трибунал полагается...

Шоферы осматривают свои машины, старые, потрепан-
ные, побитые, они их гонят в ремонт.

Л ы к о в *(стоит на подножке)*. Кабину прошил, гад!

К р а ю ш к и н *(добродушно)*. Это он за тобой гонялся,
лыков... который, думает, тут Лыков?.. А Лыков эвон куда
уполз...

Л ы к о в. Не уполз, а рассредоточился.

Огородников рубит дерево, прикрывает им кузов и кабину.

Б о к а р е в *(командирским голосом)*. Интервал пятьдесят
метров... Поехали!

Этих пятерых солдат мы и видели на фотографии.

Машины подъезжают к лесу и останавливаются.

На дереве стрелка с надписью: «Хозяйство Стручкова»;
метрах в двухстах видны здания брошенной МТС.

Шоферы собирают инструментальные сумки, готовят
машины к сдаче.

Ближе к МТС явственнее слышим за ее стенами звуки
производства: рокот моторов, шипение паяльных ламп,
треск электросварки, чередующиеся удары по металлу:
звонкие — ручника, глухие — молота... И уже видны под
навесами машины. В МТС размещена ПРБ — походно-
ремонтная база.

Неподалеку такая же разбитая машина, на ее подножке сидит пожилой шофер, снимает сапоги, разминает ноги, перематывает портянки.

Л ы к о в *(перебирает и складывает инструмент)*. Привет, папаша!

Ш о ф е р. Привет, привет... Как доехали?

Л ы к о в. Нормально... Воздух беспокоил.

Ш о ф е р. Воздух? *(Догадывается.)* А-а...

Л ы к о в. Давно здесь?

Ш о ф е р. Третий день...

Л ы к о в. Как харч?

Ш о ф е р. Что привезешь, то и пожуешь...

Л ы к о в. С сухим пайком, значит, являйся...

Ш о ф е р. То-то и оно. А не привез — тащись на продпункт... А он в городе...

Л ы к о в *(сочувственно)*. Намял, значит, подошвы... А что за город?

Ш о ф е р. Город? Корюков город...

Лыков возле старшины Бокарева.

Бокарев вынимает из-под сиденья сапожную щетку и банку хатку, надраивает до блеска свои хромовые сапоги...

Л ы к о в *(тихо, сообщнически)*. Товарищ старшина! Кто без сухого пайка прибыл, тех на продпункт посылают.

Б о к а р е в. Ну и что?

Л ы к о в. А продпункт в городе.

Б о к а р е в *(раздраженно)*. Ну и что?

Л ы к о в. В городе продпункт, говорю... За сухим пайком посылают.

Б о к а р е в. Нам выдали сухой паек.

Л ы к о в *(оглядываясь)*. А если бы не выдали...

Бокарев начинает наконец соображать, в чем дело, смотрит на Лыкова.

Л ы к о в. Город все-таки! Корюков! *(Поднимает палец.)* Женский пол имеется. Цивилизация!

Б о к а р е в. Рядовой Лыков! Много на себя берете.

Л ы к о в. Обстановку докладываю, товарищ старшина!..

Б о к а р е в *(обрывает его)*. И без тебя есть кому принять решение... *(оправляет ремень и портупею.)*

Бокарев идет по цеху. Слесари в замасленных комбинезонах ремонтируют машины. Слышны рокот моторов, шипение паяльной лампы, треск электросварки.

Движется по монорельсу двигатель, опускается над машиной, его придерживает слесарь. Направляет таль Стручков — молодой человек в комбинезоне.

Мотор не садится на место.

Стручков снова оттягивает цепь тали, приказывает Бокареву:

— Старшина, попридержи!..

— Еще не приступил к работе! — отрезает Бокарев. — Где тут у вас лейтенант Стручков?

И делает шаг в сторону, чтобы не испачкаться в грязной мастерской.

Стручков опять направляет таль, мотор садится на место.

Стручков вытирает руки концами, приказывает слесарю:

— Закрепляй!

Потом оборачивается к Бокареву.

— Кого спрашиваешь?

— Помпотеха спрашиваю, лейтенанта Стручкова.

Стручков стаскивает комбинезон, на нем гимнастерка с погонами техника-лейтенанта.

— Я помпотех.

У Бокарева вытягивается лицо. И сам он подтягивается.

— Товарищ техник-лейтенант, докладывает старшина Бокарев. Прибыл из отдельной автороты сто семьдесят второй стрелковой дивизии. Пригнали пять машин в ремонт.

Стручков насмешливо осматривает Бокарева с головы до ног, усмехается его ярко начищенным сапогам, всему его франтоватому виду...

Бокарев напряженно следит за его взглядом, понимает, что технорук ему спуску не даст, отношения не наладились...

— Машины очистить от грязи, — приказывает Стручков, — чтобы блестели, как твои сапоги блестят. Потом ставьте под навес и приступайте к разборке.

— Понятно, товарищ техник-лейтенант! — рапортует Бокарев. — Позвольте обратиться с просьбой.

Стручков. Какая просьба?

Бокарев. Люди на передовой с первого дня. Позвольте в город сходить, в баньке помыться, письма послать, купить кое-что по мелочи. Отработаем. Очень просят люди.

Стручков *(подумав)*. Завтра в шесть ноль-ноль быть здесь. Опоздание — самоволка.

Бокарев. Есть!

Стручков. Идите!

Бокарев делает «кругом» и строевым шагом удаляется...

Стручков насмешливо смотрит ему вслед.

Вагончик управления отряда. За столом — Воронов.

Инженер Виктор Борисович рассматривает фотографии солдат.

За чертежной доской — Люда.

У косяка двери — Сергей.

— Тетку нашли, а она ничего не знает, — заключает Воронов.

— Про то и разговор, — поддакивает Сергей.

— Старшина—красавец, — замечает Виктор Сергеевич, — как вы считаете, Люда?

— То есть! — отвечает Люда.

— Для нее один красавец — Юра, — вставляет Воронов.

— Почему? — возражает Люда. — Я и вас считаю красавцем.

— Благодарю, — иронически отвечает Воронов.

— А этот, — Виктор Борисович показывает на Краюшкина, — на тебя похож, Сережка, как будто твой отец или дед.

— У меня все предки живы, до четвертого колена, — отвечает Сергей, — наша семья славится долголетием. Железные нервы.

— Завтра переносим могилу! — объявляет Воронов. — Все, Серега, твоя миссия окончена.

Сергей. Я должен вернуть фотографию... И надо еще к одному человеку зайти, Михееву, говорят, при немцах у него был наш солдат.

Воронов. Нет уж, мы свое дело сделали. А остальным пусть занимаются военкомат, школьники — кому положено.

Сергей. Но я обещал прийти. Меня будут ждать... люди!

Воронов. Видали его?! То вовсе не хотел идти... То сам бежит... А кто за тебя будет работать?!

Сергей *(иронически)*. Вы сами говорили, на мою квалификацию замена найдется...

По полевой дороге шагает команда. Впереди — Бокарев, за ним — остальные.

Слева — опушка леса, справа — неубранные поля.

Огородников. Какие хлеба богатые погибают.

Лыков. Сейчас бы неплохо буханочкой в зубах поковырять.

К р а ю ш к и н. Сесть на пенек, да съесть пирожок.

Идут молча под хмурым, осенним небом.

Неожиданно в лесу — треск, шорох, опять треск, и все стихает. Солдаты останавливаются, прислушиваются.

И вдруг из леса в Вакулина летит небольшой конусообразный предмет, похожий на гранату.

—Залечь! — кричит Бокарев.

Солдаты падают, прижимаются к земле.

Вакулин со страхом смотрит на лежащий перед ним предмет, ему кажется — граната сейчас взорвется... Но выражение его лица постепенно меняется — перед ним всего лишь большая коричневая сосновая шишка...

Вакулин поднимает взгляд. На дереве, свесив босые ноги, сидит Нюра — девчонка лет шестнадцати.

Вакулин и Нюра смотрят друг на друга.

— Ты что, дура, делаешь? — сердится Вакулин. — А если бы я тебя, дуру, подстрелил?!

— Вояка, шишки испугался, — смеется Нюра. Видно, ей нравится этот хорошенький солдатик.

Солдаты поднимаются.

— Не у места такие шутки, девушка, — брюзжит Огородников.

— Шустрая, — добродушно качает головой Краюшкин.

Снова треск. Солдаты настораживаются. Но они видят козу, обдирающую кору с деревьев.

— Ты откуда? — строго спрашивает Бокарев.

— А вон, из деревни, — показывает Нюра.

Вдали видна деревенька.

— У вас в деревне все девки такие веселые? — спрашивает Лыков.

— Для кого веселые, для кого нет, — задорно отвечает Нюра, поглядывая на Вакулина.

— Товарищ старшина, — предлагает Лыков, — чем город тащиться, переночуем в деревне.

— Непорядок, — возражает Огородников, — отпросились в город — надо идти в город.

— А до него десять километров, — замечает Вакулин, поглядывая на Нюру, — будем ходить взад-вперед.

— Зачем на дерево взобралась? — продолжает допрашивать Нюру Бокарев.

— Козы боюсь, бодается, — смеется Нюра.

— Рядовой Огородников, — приказывает Бокарев, — отвязать козу и препроводить в населенный пункт.

Огородников, недовольно морщась, подходит к козе...

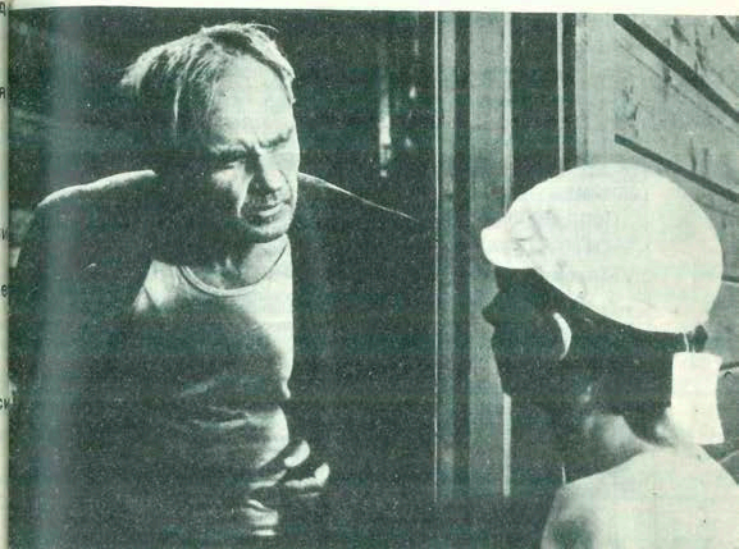
Коза неожиданно поворачивается и, нагнув голову, кидается на Огородникова.

Огородников неуклюже отскакивает.

Нюра смеется.

— Лыков! Краюшкин! Взять животное! — орет Бокарев. — Доставить к месту назначения!

Большой фруктовый, хорошо ухоженный сад. Ровные ряды яблонь, между ними кусты смородины. В глубине — грядки клубники, вдоль забора — кусты малины. У ворот —



куча торфа, навоза, песка. Вращается веерная установка — поливает деревья.

Старик Михеев стреляет из ружья по галкам, оглядывается на вошедших Сергея и Ирину.

И р и н а. Здравствуйте!

М и х е е в. Здравствуйте.

И р и н а. Скажите, пожалуйста, у вас в войну лежал наш раненый солдат?

М и х е е в. Какой такой солдат? *(Облокачивается на ружье.)*

С е р г е й. Наши его оставили.

Сергей срывает листок с дерева, любуется Ириной.

М и х е е в. Был у меня солдат, был.

И р и н а. Вы не помните его фамилии?

М и х е е в. Чего не знаю, того не знаю. А звали его Иван.

С е р г е й. Разгромил немецкий штаб! *(Показывает Ирине свою осведомленность.)*

М и х е е в. Нет, штаба он не разгромил...

С е р г е й *(разочарованно)*. А-а... *(Протягивает фото.)* Есть он здесь?

М и х е е в *(надевая очки)*. Зрение уже не то. Да и много времени прошло.

Он рассматривает фотографию, взгляд его останавливается на Вакулине, выражение лица тотчас же меняется, он потрясен — веселый, бойкий, молодой взгляд глядит на него из далекого прошлого, прошлого, известного только ему одному...

Пораженные такой сильной и неожиданной реакцией, Сергей и Ирина удивленно смотрят на него.

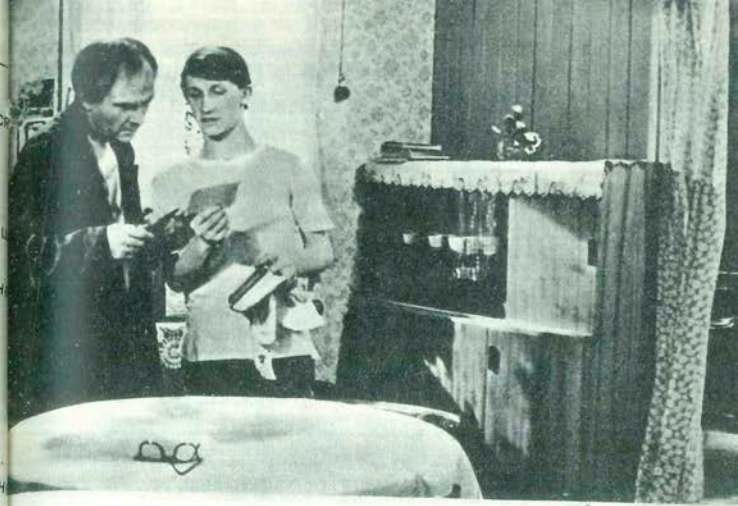
Михеев дрожащей рукой показывает на Вакулина.

— Вот... Вот этот солдат был у меня...

Тяжело опускается на скамейку, мелко и часто кивает головой, как в тике...

И р и н а. На шоссе нашлась могила. Может, это его?

М и х е е в *(устало)*. Нет. Похоронен он был не на шоссе, вон там *(показывает за ограду)*, а в сорок третьем — пере-



несли его в братскую могилу. А в ту ночь у соседей, у Агаповых, тоже был наш солдат... Может, они знают... Вон они, Агаповы, рядом живут. *(Показывает.)*

Дом Агаповых.

Странно выглядит большая столовая, уставленная обломками гипсовых и мраморных фигур, причудливыми изваяниями, деревянными идолами, древними орудиями труда. На одной стене — старинные карты с витиеватым орнаментом и фигурами воинов в шлемах, на другой — фотографии: Агапов и его сыновья в форме летчиков. В простенке — пианино.

За большим обеденным столом — Сергей, Ирина, старуха Агапова — седая, представительная женщина. Возле фигур — дочь Агаповой, моложавая интеллигентная женщина лет сорока.

А г а п о в а *(рассматривает фотографию солдат)*. В войну у нас стояло много солдат... А когда вошли немцы, в

сентябре сорок второго года, были двое. Эти или нет — н помню. В то утро немцы всех выселили, всю улицу, и меня и ее — *(показывает на дочь)*, и соседей. А солдаты ушли куда, не знаю. Исчезли вдруг.

С е р г е й *(удивлен ее забывчивостью)*. Мистика! А вы н слышали про солдата, который разгромил немецкий штаб

А г а п о в а. Слышала краем уха... Но немцы его убил кажется.

— Строите дорогу, — вступает в разговор младшая Аг пова, — неужели нельзя было заасфальтировать у нас хо бы главную улицу.

— А зачем?! — небрежно отвечает Сергей. — Сноси будут ваш город.

Все ошеломленно смотрят на него.

— Теперь установка на города-гиганты, — продолжае Сергей, — а у вас ни фабрик, ни заводов, даже свет и т выключают в двенадцать часов.

— Наш город, — говорит младшая Агапова, — древне Москвы, была здесь крепость, защищала Русь от кочевн ков, вот свидетельства нашей истории. — Обводит рук скульптуры. — К сожалению, районному городу не полаг ется краеведческого музея, держим все это по домам...

— Видите, — заключает Сергей, — музея и то вам полагается. Юмор!

Ирина перебивает его:

— Может быть, все же вспомните, кто из этих солдат б у вас?

Агапова опять надевает очки, разглядывает фото, показ вает на Краюшкина:

— Кажется, этот.

Д о ч ь. Мама! А по-моему, этот. *(Показывает на старши Бокарева.)*

А г а п о в а. Ты была ребенком, что ты можешь помнить

Д о ч ь. А вот помню! Такой был молодой, красивый. Он меня тогда промокашку попросил.

С е р г е й *(привстал)*. Промокашку?!

Д о ч ь. Я делала уроки, и он у меня попросил промокашку. Это я отчетливо помню.

Деревня.

У колодца — женщины, дети и наши солдаты.

Невдалеке, на плетне, свесив босые ноги, сидит Нюра, держит за веревку козу. Против Нюры стоит Вакулин, о чем-то разговаривают.

У колодца — Клавдия, миловидная женщина средних лет, с еще стройной фигурой, с задорной и лукавой усмешкой, объясняет Бокареву:

— Баньку можно затопить, только воду с реки таскаем, засорился колодец, грязь одна. Боимся туда лезть, а мужиков в деревне всего один, — показывает на дремлющего на завалинке деда, — не можем мы последним-то мужиком рисковать.

Женщины смеются.

— Вот и помылись, — скептически замечает Огородников.

Бокарев молодецки расправляет усы:

— Разве солдат поблизости нет, попросить некого?

— Все мимо нас едут, никто не останавливается, никому мы не нужны, — играет глазами Клавдия, не то завлекает, не то просто развлекается.

— Боятся солдаты в колодец лезть, — замечает женщина из толпы.

— Военный человек, гражданочка, — назидательно говорит Бокарев, — ничего не боится... Кроме женского пола.

— Чем это вас женщины так напугали? — кокетничает Клавдия.

— Ихнего коварства боимся, — с намеком объявляет Бокарев, пристально глядя на Клавдию...

Потом, рисуясь перед ней, командирским голосом приказывает:

— Вакулин и Огородников, очистить колодец от посторон. них предметов. Краюшкин и Лыков, заготовить новые венцы! Гражданское население прошу доставить ведра и веревки в нужном количестве.

Краюшкин трогает щеку, заросшую рыжей щетиной.

— Побриться бы сначала...

Бокарев. И так красивый.

Краюшкин *(добродушно)*. Был бы еще красивее.

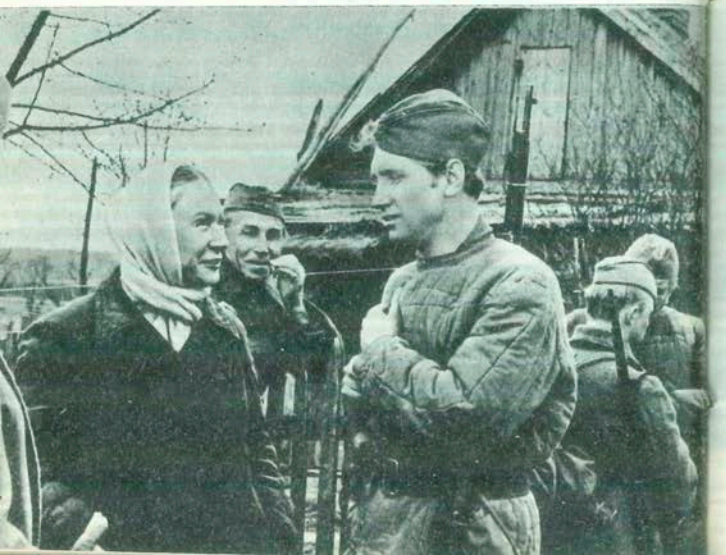
Бокарев. Ладно, не твоим мощам чудеса творить.

Огородников *(недовольно)*. А чего венцы менять крепкие еще.

В доказательство своих слов Огородников нажимает н верхние венцы колодезного сруба и чуть не обрушивается ними в колодец. Лыков и Краюшкин едва удерживают его.

— Много рассуждаете, рядовой Огородников! — заме чает Бокарев. — Выполняйте приказ: обеспечить населе ние нормальной питьевой водой. Об исполнении доложить

Победоносно смотрит на Клавдию.



Краюшкин и Лыков сидят на бревнах, перед ними — крынка молока и хлеб, они закусывают. Рядом — несколько напиленных ими досок для колодца, пила и стружки.

Поглядывая на собравшихся у колодца ребятишек, Краюшкин рассказывает:

— Сейчас ребята у меня большие, а вспоминаю я их маленькими. Спать их, бывало, уложишь, а они головки с подушек поднимают, как ежики. Младший, Валерик, добрый, жалостливый, кошек, собак обожает, кроликами интересуется. Какой где птенчик из гнезда выпал, обратно положит. Доктором будет.

— Дети — цветы нашей жизни, — глубокомысленно изрекает Лыков, — Максим Горький сказал. Читал я одну книгу, профессор видный написал, воспитание детей — ответственнейшее дело...

— Я и на Кузнецком работал и Магнитогорск строил, — продолжает Краюшкин, — бросало во все стороны. Бараки, трудно с детьми, и без детей худо.

Лыков. Выходит, вы заслуженный человек, товарищ Краюшкин, все пятилетки объездили.

Краюшкин. Довелось. Представляли меня к медали «За трудовое отличие», да затерялись где-то бумаги. Все думали: получит Краюшкин награждение, а он не получил. Смеху было... *(Встает.)* Давай допилим.

Краюшкин и Лыков пилят.

Зияет открытое отверстие колодца. Гнилые доски убраны. Вокруг лужа грязной воды.

Над колодцем с веревкой в руках стоит Огородников.

Тут же на корточках сидит Нюра, заглядывает в колодец, в ее руках веревка, которой обвязан Вакулин.

Внизу копошится Вакулин, кричит:

— Тащи!

Огородников перебирает веревку, вытаскивает ведро, полное грязи, неловко перехватывает его, расплескивает.

— Осторожней не можешь? Боров! — кричит Нюра. — Там человек!

— Брысь! — отвечает Огородников, выплескивая грязную воду и снова опуская ведро. — Тоже нашлась! Веревку крепче держи, а то упустишь своего красавца.

Нюра снова приникает к отверстию колодца, крепко держит веревку.

Изба Клавдии. За столом — Клавдия и Бокарев.

Бокарев закусывает, отрезая хлеб блестящим, хорошо отточенным финским ножом...

Клавдия, подперев щеку рукой, смотрит на него, говорит:

— Какой нож у вас страшный.

Бокарев. Холодное оружие, без него на фронте как без рук.

Клавдия. Фрицев скоро прогоните?

Бокарев. Точную дату назвать не могу, но думаю, что в будущем году войну закончим успешно. Сейчас на фронте положение слоеного пирога. *(Ударяя ребром ладони по столу, показывает.)* Тут мы, тут фриц, опять фриц, опять мы... Все зависит от того, как тыл будет сочувствовать фронту... *(Подвигается ближе к Клавдии.)*

Клавдия опускает глаза, трогает медаль на груди Бокарева, читает:

— «За отвагу»... А в чем отвага-то была?

Бокарев *(загадочно.)* Все вам надо знать...

Клавдия *(смеется.)* Военная тайна?

Бокарев *(подвигаясь еще ближе).* Вот именно... Могу рассказать только близкому человеку...

Клавдия *(встает).* Пойдемте посмотрим, как с колодцем.

Бокарев. Все будет сделано согласно предписанию. В армии приказ командира — закон!

Клавдия. Неудобно... Люди работают, а мы сидим...

Бокарев недовольно пожимает плечами... Мол, если вам так угодно...

Бокарев и Клавдия подходят к колодцу.

Здесь опять женщины, дети.

Краюшкин и Лыков подтаскивают готовые, обтесанные доски нового сруба.

Нюра, по-прежнему на корточках, держит веревку, заглядывает в яму.

Огородников вытаскивает ведро, все заглядывают в него: вода чистая, свежая...

Бокарев пробует воду, потом обращается к Клавдии:

— Прошу произвести дегустацию, иначе говоря, попробуйте водичку.

Клавдия пробует.

Бокарев. Хороша?

Клавдия. Хороша.

Лыков *(пробует воду).* Чистый аш два о!

Клавдия *(хмуро).* Можно бы и не выражаться!

Бокарев *(солидно).* «Аш два о» по-ученому значит чистый лимонад. Попрошу местное население убрать территорию в смысле санитарии и гигиены. Завтра кладем сруб. А сейчас — в баню.

Нюра *(кричит).* А Ваня там останется?

Бокарев. Поднять наверх рядового Вакулина!

Солдаты тянут веревку.

На поверхности появляется Вакулин.

Все ошеломленно смотрят на него...

Вакулин в трусах, майке, сапогах и широкой соломенной шляпе, черный с головы до ног. Его шатает от чистого воздуха, он чуть не падает, но его подхватывает Нюра и жалостливо говорит:

— Ах ты, Ванечка, бедненький...

Бокарев *(назидательно).* Вот на какие жертвы идет геройский советский солдат во имя тыла. *(Наклоняется к Клавдии).* А вы чуть что — отодвигаетесь...

Вагончики отряда. Воскресенье, конец нерабочего дня. Мужчины играют в домино, кто-то читает, кто-то чего-то мастерит. Одна женщина выбивает матрац, другая стирает,

Ермакова (толстая работница в мужских брюках) развешивает белье на веревке, протянутой между вагончиками. Места для белья не хватает, и она прикрепляет один конец веревки к Доске почета.

Проходит Сидоров.

— Ты что, мать, другого места не нашла?

Ермакова *(сварливо)*. А чем плохо место?

Сидоров. Доска...

Ермакова. Вижу, доска. Она твоя, что ли?

Сидоров. И не твоя.

Ермакова. А это что?! *(Показывает на фотографию на доске, где она изображена гораздо моложе, чем есть на самом деле.)*

Сидоров *(поддразнивает ее)*. Внучка?

Ермакова *(замахивается на него мокрым полотенцем)*. Я те покажу внучка...

Сидоров, посмеиваясь, уходит.

Из вагончика выходит Сергей в черном костюме, белой рубашке при галстуке...

В дверях вагончика — Юра.

— Подожди, вместе пойдем.

— Мне пораньше надо, — уклончиво отвечает Сережа.

— Слушай! — продолжает Юра. — Ты от кого телеграмму получил?

Люда кричит из вагончика:

— Не трогай его, ему еще нужно кое за кем зайти!

Юра. Ну, давай топай! На танцах встретимся...

Сергей, в черном костюме и белой рубашке, идет по дороге.

Его обгоняет грузовая машина. Сергей поднимает руку. Машина останавливается.

В кабине — шофер и пожилой человек в брезентовом плаще, видавшей виды шляпе, с портфелем на коленях, он отдувается, вытирает платком лицо и лысину.

Шофер показывает Сергею на кузов.

Сергей показывает на свой костюм: не могу, мол.

Ш о ф е р *(насмешливо)*. На свадьбу собрался? Ладно, садись в кабину...

Попутчик недовольно морщится...

— Кабина на троих, — объясняет шофер...

Сергей садится в кабину. Попутчик делает вид, что подвинулся.

Машина едет дальше. В кабине — шофер, Сергей и попутчик.

— Погуди, пожалуйста, шеф! — просит вдруг попутчик.

— Это зачем?

— Будь друг, погуди!

Гудок.

— Спасибо, — благодарит попутчик. — Теперь останови.

Ш о ф е р. То погуди, то останови. Ты что, друг, в игрушки играешь?

Попутчик молча выходит из кабины, идет к могиле.

Ш о ф е р *(Сергею)*. Чокнутый какой-то...

Попутчик у могилы неизвестного солдата.

Шофер и Сергей, заинтересованные его поведением, идут к нему.

Попутчик присаживается на травку, открывает портфель, достает водку, спрашивает у шофера:

— Посуда есть?

Шофер отрицательно качает головой.

П о п у т ч и к. Выпьем так, помянем безвестную душу солдатскую... *(Протягивает бутылку шоферу.)*

— Не могу, за рулем, — отказывается шофер.

Попутчик протягивает бутылку Сергею.

— Непьющий, — отказывается и Сергей.

Сидят, молчат.

П о п у т ч и к. В сорок третьем как раз эти места освобождали. *(Кивает на могилу)*. Наверно, кто-нибудь из наших ребят.

Опять сидят, молчат. Сергей смотрит на них.

В небе проносится реактивный самолет.

Ш о ф е р. Где служил-то?

П о п у т ч и к. Пехота... А ты?

Ш о ф е р. Саперы.

Опять молчат.

Сергей смотрит на них, на их строгие солдатские лица, на набрякшие глаза. И что-то дрогнуло в его собственном сердце. Он отворачивается, потом спрашивает у шофера:

— Вы куда едете?

— В область.

— Можно мне с вами?

Вестибюль. Проходят деловые люди с портфелями, папками, со свернутыми в рулон чертежами. Неподвижна толстая вахтерша у дверей.

У телефона — Сергей.

В трубке слышен голос секретарши:

— Товарищ Стручков принимает по средам. Записываю вас на двадцать второе, десять часов утра.

— Ага, понятно, иду, — косясь на вахтершу, отвечает Сергей.

Он вешает трубку и уверенно идет мимо вахтерши. Но она останавливает его.

— Пропуск?!

Сергей кивает на телефон.

— Товарищ Стручков велел пропустить.

Он стоит в дверях, загораживая проход.

Вахтерша отстраняет его рукой.

— Пропуск!

Сергей с деланным недоумением пожимает плечами, возвращается к телефону.

С е р г е й. Касается лично товарища Стручкова.

С е к р е т а р ш а. Вы что, его родственник?

С е р г е й. От родственников. От!

Кабинет Стручкова.

В глубине — письменный стол.

На переднем плане группа людей стоит у стены, на которой висит большой план застройки. Докладчик — маленький, сердитый, лысый человечек — водит по нему указкой.

— Таким образом, — говорит он, — план застройки района может быть осуществлен в двух вариантах... Вариант первый...

Входит секретарша, подходит к Стручкову, интеллигентному, суховатому, подтянутому человеку лет пятидесяти. Мы узнаем в нем того лейтенанта, которого видели в предыдущих кадрах.

Секретарша что-то говорит ему. Стручков показывает рукой: мол, вы же видите, у меня люди, я занят... Но секретарша настаивает, округляет глаза, по-видимому, говорит, что от родственников, возможно, дома что-то случилось.

Стручков пожимает плечами: ну, раз, мол, так, пусть войдет.

— Таким образом, — продолжает между тем докладчик, водя указкой по плану и бросая раздраженные взгляды на секретаршу, мешающую Стручкову слушать, — осевая линия застройки пройдет по набережной реки, с некоторым спрямлением ее русла, в пределах отметок 186—189...

Входит Сергей, останавливается, растерянно оглядывает кабинет, группу людей у стены... Стручков вопросительно смотрит на него, но Сергей не знает, что перед ним Стручков.

Взглядом приглашая Сергея следовать за собой, Стручков направляется в глубину комнаты, к столу...

Слышен голос докладчика:

— Этот вариант оценивается нами как основной, что касается второго...

Сергей подходит к столу Стручкова.

— Что у вас? — сухо спрашивает Стручков.

— Я из Корюкова, — путано начинает Сергей, — из дорожно-строительного отряда...

— Вы же сказали, что от родственников, — сухо перебивает его Стручков.

— Я насчет солдата.

— Какого солдата? Кто он такой?

— В том-то и дело, что я тоже не знаю, кто он такой? — наивно отвечает Сергей.

Стручков. Вы можете толком объяснить, зачем вы пришли?

Сергей вынимает фотографию солдат и кладет ее на стол перед Стручковым.

Стручков наклоняется, рассматривает фотографию, потом подымает глаза на Сергея, переворачивает фото, читает надпись «Будем помнить ПРБ-96», снова поднимает взгляд на Сергея:

— Откуда вы приехали?

— Из Корюкова.

— Да, — медленно произносит Стручков. — Корюков, помню такой город, мы стояли возле него летом сорок второго года, ушли оттуда в сентябре...

— Вот именно, — подтверждает Сергей, — в сентябре сорок второго года...

— Товарищи! — обращается Стручков к инженерам. — Скоро обед, прервемся!

— Григорий Михалыч! — плачущим голосом говорит докладчик, — мы должны сегодня принять решение...

Приемная. На стульях сидят ожидающие приема. Самый назойливый из них стоит у стола секретарши.

Секретарша. У него совещание. Оно кончится не раньше, чем через два часа.

Открывается дверь, участники совещания выходят из кабинета.

Секретарша удивлена.

— Теперь можно? — спрашивает назойливый посетитель.

Секретарша *(неуверенно)*. Наверно, можно... Там какой-то мальчик... Одну минутку...

Секретарша входит в кабинет, потом выходит оттуда.

— Придется подождать...

Стручков и Сергей в кабинете. Стручков стоит у окна задумавшись, потом возвращается к столу, садится, смотрит на фотографию, потом на Сергея, медленно, обдуманно подбирая слова, говорит:

— Война сложна... Мы не всегда знаем все обстоятельства: люди гибнут, пропадают без вести, свидетелей не остается. Эти люди ушли и не вернулись ни в ПРБ, ни в свой автобат...

Звонит телефон, Стручков поднимает трубку и, не отвечая, кладет ее обратно на рычаг, продолжает:

— Мы тогда снялись по тревоге, немцы на нашем участке прорвались. Обвинять этих людей у меня нет оснований... Дело давнее. А кто из них твой родственник?

Сергей. Никто...

Стручков. Ты же сказал — от родственников.

Сергей. Я? Это сказала ваша секретарша...

Стручков. Откуда у тебя фотография?

Сергей. Из школы. Знаете, школьники разыскивают... Штаб «Дорогой славы отцов»...

Стручков *(облегченно вздыхает)*. Я-то думал, ты родственник, не хотел тебя огорчать. *(Смотрит на фотографию.)* Я помню этого старшину. Такой был щеголь, от работы отлынивал. Я их отпустил на один день, а они не вернулись. Устроился, наверно, у какой-нибудь молодки, а тут немцы...

Сергей. А вы не помните его фамилии?

Стручков. Через ПРБ проходили сотни людей, долго не задерживались: пригонят машины, поработают несколько дней и уезжают. Я вообще ничьих фамилий не знал, а этих — тем более: они не работали. И, кроме старшины, я их никого в глаза не видел... А как попала в школу эта фотография?

Сергей *(медленно, значительно)*. В сентябре сорок второго года один наш солдат разгромил немецкий штаб, закидал гранатами. Немцы его убили. Похоронили его наши женщины. Они и нашли эту фотографию...

Пауза.

Стручков смотрит на Сергея, пораженный его рассказом.

Секретарша вносит на подносе чай, но, остановленная взглядом Стручкова, пятится обратно...

Стручков отходит к окну, думает, возвращается к столу, смотрит на фотографию, задумчиво говорит, как бы собираясь с мыслями:

— Осень была хорошая, солнечная, золотая была осень... *(После паузы.)* Архивы ПРБ и автобата сохранились, переписка о пропаже этих солдат — тоже. Я думаю, можно установить их фамилии. Может быть, задержитесь?

С е р г е й. Нет, я тороплюсь.

С т р у ч к о в. Тогда оставьте мне фотографию... *(Видит колебание на лице Сергея.)* Без нее я не сумею опознать людей.

С е р г е й. Только обязательно ее верните.

С т р у ч к о в. Конечно, немедленно. Наведу справки и сразу сообщу. Куда?

С е р г е й. Корюков, школа, штаб следопытов, Ирине...

С т р у ч к о в. Ирине?

С е р г е й. Да, там знают...

С т р у ч к о в. Значит, ты из школы?

С е р г е й. Нет, я сам не из школы.

С т р у ч к о в. А откуда?

С е р г е й *(уклончиво)*. Начальство прислало.

С т р у ч к о в. Молодцы твои начальники, не забывают...

По полевой дороге шагает команда. Впереди — Бокарев, за ним — остальные. У всех выбритые, довольные лица, все на них выстирано, выглажено, подворотнички блестят.

В некотором отдалении, сзади, идет Вакулин, за ним — Нюра.

Вдали показываются низкие здания МТС.

Бокарев останавливается, оборачивается.

— Чеши домой, Нюра! Дальше воинская часть — посторонним нельзя.

Солдаты смотрят на Нюру и Вакулина.

Смущенные этими взглядами, Вакулин и Нюра стоят не двигаясь.

— Чего не видели?! — кричит на солдат Бокарев.

Бокарев и солдаты идут впереди.

Вакулин и Нюра одни на тропинке.

— Ну, до свидания, — говорит Вакулин.

Нюра молча ковыряет землю голой пяткой.

— Писать будешь? — спрашивает Вакулин.

Нюра по-прежнему молчит, ковыряет пяткой землю.

— Полевая почта 72392, — напоминает Вакулин.

Нюра молчит, потом спрашивает:

— Барышень своих целовать не будешь?

— Нет у меня барышень, говорил тебе, — отвечает Вакулин.

— Да, говорил, — повторяет за ним Нюра. — У шофера в каждой деревне барышня.

— Дура ты, дура, — замечает Вакулин.

Нюра поднимает голову, смотрит на Вакулина, кладет ему на плечи худые, загорелые руки, целует в губы...

Солдаты на территории МТС. Озадаченно осматриваются — МТС пуста. ПРБ неожиданно передислоцировалась: во дворе и в цехах валяются негодные части, старые рамы, железо, тряпки...

— Ни горы, ни воза, — философски замечает Краюшкин.

— Погнались за девками, — брюзжит Огородников.

— Ладно, помолчи, — обрывает его Лыков, — все ему не так, боронит как борона...

Бокарев рассматривает на планшете карту, объявляет:

— Пойдем на Корюков, пятнадцать километров в восточном направлении. Там узнаем, где ПРБ...

И вдруг отдаленное жужжание мотоциклов...

Солдаты прислушиваются...

Жужжание нарастает...

Солдаты всматриваются в шоссе...

Вдали показываются три немецких мотоцикла, на каждом — по три автоматчика, на одном мотоцикле — пулемет...

— Залечь! — приказывает Бокарев.

Солдаты ложатся.

— Мотоцикл системы «Харлей-Давидсон», — замечает Лыков.

— «Цундап», — возражает Огородников.

— Молчите! — грозным шепотом обрывает их Бокарев.

Мотоциклисты останавливаются у развилки, сближаются, рассматривают карту, что-то обсуждают, один из них показывает в сторону деревни.

Потом один мотоцикл отделяется и едет по полевой дороге в направлении МТС. Два других остаются на шоссе, ждут.

Бокарев шепотом отдает приказания.

Лыков, Огородников, Вакулин и Краюшкин, скрываясь в траве, ползут к шоссе, заходят в тыл оставшимся там немцам...

Бокарев прижимается к стене в таком месте, откуда ему видны и приближающийся мотоцикл и ползущие к шоссе солдаты.

Мотоцикл останавливается. Из него выходит немец и с автоматом наизготовку входит на территорию МТС, осматривается... МТС пуста...

Бокарев следит за ним напряженным взглядом, потом всматривается в даль шоссе — солдаты еще не доползли до указанного им места...

Немец заглядывает в мастерские, и они пусты... Успокоенный, он идет обратно...

Бокарев прижимается за углом здания...

Солдаты все еще ползут...

Немец проходит мимо угла здания, где прячется Бокарев...

Бокарев кидается на немца, левой рукой зажимает ему рот, правой (в ней нож) закалывает его, выхватывает из его рук автомат.

Тело убитого опускается на землю...

Солдаты все еще ползут...

— Алло, Ганс! — зовут немца из мотоцикла.

Встревоженные молчанием своего товарища, немцы соскакивают с мотоцикла, берут автоматы наизготовку...

Наконец Бокарев видит: солдаты доползли и залегли в кювете...

И тогда он дает очередь из автомата — немцы у мотоцикла падают...

В ту же минуту солдаты открывают огонь по мотоциклам на шоссе. Сразу убивают двух немцев.

Немцы на шоссе разворачивают свои мотоциклы, открывают ответный огонь из пулемета и автоматов, пытаются пробиться сквозь засаду...

Круто врезается в кювет один подбитый мотоцикл, с него падает, убитый мотоциклист... Другой, продолжая отстреливаться, ползет к лесу...

Мотоцикл с пулеметом останавливается, с него соскакивает немец, бежит к лесу, его отход прикрывает пулеметчик, ведущий непрерывный заградительный огонь и неуязвимый за металлическим щитком своего пулемета...

Но ему в тыл забегает Бокарев, с ходу скашивает пулеметчика... Пулемет умолкает.

Бой окончен.

Три немца убиты у МТС, три — на шоссе, два — в кювете у леса...

— Один ушел, сволочь! — сквозь зубы говорит Бокарев.

Бокарев переходит шоссе, идет к своим.

Вакулин ранен в ногу. Краюшкин стаскивает с него сапог, перевязывает рану.

Бокарев идет дальше, подходит к Лыкову и Огородникову, они все еще лежат в кювете.

— Подымайтесь, уходим! — приказывает Бокарев.

Лыков косится на Бокарева, потом на шоссе, встает.

Бокарев толкает Огородникова.

— Ну, долго будем лежать?!

Огородников не встает.

Бокарев переворачивает его — Огородников мертв...

Пшеница. Шагает команда. Впереди — Бокарев. За ним Лыков и Краюшкин несут носилки с раненым Вакулиным.

Вдруг Лыков останавливается, с отчаянием говорит:

— Товарищ старшина! Я его документы забыл!

Бокарев отрывисто приказывает:

— Быстро! Догоняй нас!

Бокарев перехватывает у Лыкова носилки, идут дальше... Лыков бежит обратно...

Лыков у свежей могилы Огородникова. На краю ее, прикрытые камнем, лежат документы Огородникова.

Лыков перебирает их. Мы видим знакомую нам фотографию с пятью солдатами...

Лыков берет документы, бежит обратно.

И вдруг выстрел — Лыков падает убитый...

В глубину леса заковылял немец.

На земле, рассыпавшись, лежат документы, среди них — фотография с пятью улыбающимися солдатами.

Пустая МТС. Возле нее и на шоссе горят подожженные немецкие мотоциклы...

На шоссе — тела убитых немцев...

Там, где был убит Огородников, — холмик свежей земли...

Такой же холмик дальше — там, где был убит Лыков...

Тишина...

В небе немецкие самолеты — сбрасывают бомбы на пустую МТС.

На шоссе появляются немецкие броневики... Немцы ведут наступление на пустую МТС.

Вечер. Бокарев и Краюшкин с носилками, на которых лежит раненый Вакулин, входят в город Корюков...

Шесть часов утра. Только началась работа на трассе. Еще холодно, люди работают в телогрейках, в свитерах, все в брезентовых брюках.

Вдоль трассы идет Сергей в черном костюме, в белой рубашке с галстуком, он только вернулся от Стручкова.

Маврин, недавно демобилизованный моряк, в тельняшке, кричит ему с катка:

— С воскресенья гуляешь, ну и артист! Как голова-то? Поправиться не хочешь?

Жестом показывает, не хочет ли Сергей опохмелиться...

Сергей не отвечает, идет дальше.

Юра на самосвале, ссыпает грунт, выходит из кабины.

— Где ты пропадал? Девчонка твоя, на танцах, спрашивала...

— Дай закурить, — отвечает Сергей.

Берет сигарету, закуривает. Идет дальше.

Работницы ровняют гравий.

Ермакова. Девоньки, глядите, женишок наш вернулся...

Женщины смеются.

Вторая женщина. Молодую-то какую взял? С домом, с садом?

Третья женщина. Был у нас один мужик на всю бригаду, и того увели.

Четвертая женщина. Тебе что, своих не хватает, смотри, сколько нас тут...

Ермакова. Вон, Воронов идет... Давай работай, шалопай несчастный!

Сергей быстро раздевается на обочине, остается в трусах, поеживается от холода, берется за грабли, работает...

Проходит Воронов, смотрит на Сергея. Тот делает вид, что не замечает Воронова, работает, старается...

Воронов. Серега!

Сергей делает вид, что не слышит.

Воронов *(повышает голос)*. Серега!

Сергей. Ась?

Воронов. Ты зачем разделся?

— Жарко, — отвечает Сергей, дрожа от холода, — лето ведь.

Бокарев и Краюшкин с носилками подходят к Корюкову, останавливаются у крайнего дома, стучат, им открывает Михеев.

Все в доме, тут же жена Михеева и его дети...

Вакулина кладут на диван.

Михеев. Госпиталь в школе был, не знаю, остался или нет.

Бокарев. Ладно, разыщем, а он пусть пока у вас полежит, вернемся — заберем. *(Наклоняется к Вакулину.)* Ваня, ты как?

Вакулин *(слабо улыбаясь)*. Да ничего, я идти могу. *(Пытается подняться.)*

Бокарев. Лежи! Без меня никуда! *(Осматривает комнату, кладет рядом с Вакулиным третий трофейный автомат.)*

Бокарев и Краюшкин в здании школы. Медсанбата здесь уже нет, она пуста, окна открыты, ветер шевелит бумажки на полу...

Краюшкин *(философски)*. Попали мы меж косяка и двери.

Бокарев *(мрачно)*. Не миновать мне штрафной роты.

Краюшкин. В чем твоя вина?

Бокарев. Потерял людей — значит, виноват... *(Решительно.)* Ладно! Где-нибудь переночуем, утром мобилизуем подводу, заберем Вакулина и отправимся.

Тусклый свет коптилки освещает стол. За ним — Бокарев, Краюшкин, Агапова, — тогда еще не старая женщина, и ее дочь, тогда — девочка лет двенадцати.

Колышется неровное пламя, вырывает из темноты лица сидящих за столом, а иногда и кусок стены, где висят знакомые нам снимки: Агапова и его сыновей в форме летчиков.

Скудный ужин.

Агапова. Не встречался ли вам Агапов Сергей Владимирович. Давно ничего нет от него.

Краюшкин. Был у нас один Агапов. *(Смотрит на девочку.)* Точь-в-точь один портрет.

Агапова. Они летчики.

Бокарев. Летчики — это другое дело, другой род войск.

Краюшкин. Как в песне-то поется. «Нынче здесь, а завтра там»... Ничего, напишут... По себе знаю: получать письма — это мы любим, а отвечать — недосуг. Да и о чем писать? Война кругом — одно расстройство. Кончится — тогда наговоримся.

Агапова. Как для кого она кончится...

Краюшкин. Дело известное — у кого грудь в крестах, у кого голова в кустах.

Девочка делает уроки за столом. Краюшкин разглядывает карандаш, нюхает промокашку, перелистывает школьный учебник, в нем нарисованы хрестоматийные дома, сады, реки, лошади, коровы...

— У моих ребят точно такой учебник был, — говорит Краюшкин, — и промокашка точно так вот пахла, и карандаш. Есть у тебя еще такая?

— Есть, новая. — Девочка показывает новую промокашку.

— Новую ты себе оставь, а мне старую отдай, — просит Краюшкин.

— Берите.

Краюшкин аккуратно сворачивает промокашку, нюхает ее, кладет вместе с фотографией...

— Зачем она тебе? — спрашивает Бокарев.

— Ребятами пахнет, — отвечает Краюшкин.

Дом Михеева. В большой комнате — испуганные жена Михеева и трое его детей...

С улицы слышен грохот немецких танков и шум машин...

Михеев появляется в дверях маленькой комнаты, где на кушетке лежит раненый Вакулин, взволнованно говорит:

— Немцы!

Вакулин смотрит на него, и, чем больше смотрит, тем больше обреченности в его взгляде.

Михеев молчит, беспомощно смотрит то на Вакулина, то на детей... Вакулин следит за его взглядом, тоже смотрит на детей.

Дети испуганно смотрят на Вакулина, как будто понимают, что его пребывание в доме смертельно опасно для них...

Вакулин тяжело поднимается, одевается, берет автомат.

— Куда ты, Иван? — спрашивает жена Михеева.

Вакулин не отвечает.

Михеев опускает голову.

Сад. Михеев торопливо открывает заднюю калитку, оглядывается по сторонам, выпускает Вакулина, взволнованно шепчет:

— Улицу перейдешь — и оврагом до песчаного карьера, там спрячешься, а оттуда в лес уйдешь...

Вакулин ковыляет через улицу.

Нарастает грохот немецких танков.

Михеев испуганно захлопывает калитку, в изнеможении и страхе прислоняется к ней.

Совсем рядом грохот танка, потом короткая автоматная очередь...

Михеев закрывает лицо руками, бредет к дому.

А в это время Ваулин лежит в кювете и смотрит на движущиеся по улице немецкие танки. В открытых люках — танкисты.

За танками — машины с солдатами.

Вакулин ложится удобнее, наводит автомат и дает очередь по танкисту в люке. Тот, убитый, падает на броню...

Вакулин дает вторую очередь по машине с солдатами, убивает шофера, машина теряет управление, солдаты прыгают с машины...

Башня следующего танка разворачивается, пулеметная очередь скашивает Вакулина, автомат падает из его рук...

Бокарев и Краюшкин поспешно собираются, выглядывают на улицу, по ней ползут немецкие танки, за ними — грузовики с солдатами.

Б о к а р е в. Куда зады-то выходят?

А г а п о в а. На соседнюю улицу... Возьмите хлеба. *(Протягивает Краюшкину буханку хлеба, тот сует ее в вещевой мешок.)*

Бокарев и Краюшкин во дворе. Заглядывают в щель забора — на соседней улице тоже немецкие танки. У забора лежит убитый Вакулин.

Бокарев и Краюшкин прячутся на сеновале.

Агапова и девочка не видят этого.

Районный кинотеатр. Окошко кассы выходит на улицу. Сергей перед афишей:

СЕГОДНЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КИНОФИЛЬМ
ПРОИЗВОДСТВО СТУДИИ ДЕТСКИХ ФИЛЬМОВ

Рядом с Сергеем — мальчишка. Сергей спрашивает его:

— Смотрел? Интересная картина?

— Не пускают, — отвечает мальчик.

— Почему? Ведь Студия детских фильмов.

Мальчик показывает на низ афиши, там написано: *«Дети до 16 лет не допускаются»*.

С е р г е й. Значит, интересная...

Сергей берет в кассе два билета, кладет в карман, идет...

Сергей подходит к дому Ирины, стоит у калитки, заглядывает через штакетник в сад — нет ли там Ирины...

Его окликают:

— Сережа!

Это Ирина. Она с красивым, загорелым молодым человеком, оживлена, радостна.

—Знакомьтесь! — говорит она.— Это Коля, он с юга приехал.

Сергей и Коля пожимают друг другу руки.

— Что-то тебя давно не видно? Уезжал куда-то? — спрашивает Ирина. В ее голосе Сережа слышит полное к себе равнодушие.

— Да тут, по делу... — нехотя отвечает Сергей.

— Ну, пока, привет Юре! — говорит Ирина, делает шаг вперед, потом останавливается. — Да, слушай, пришла фотография и письмо от какого-то Стручкова, с адресом и фамилией старшины. Мы уже послали письмо его матери. И зовут старшину Константин. Помнишь, на кисете была буква «К», это и есть Константин.

Сергей кивает головой, с грустью смотрит на Ирину.

Ирина смущена его грустным взглядом, но, желая скрыть смущение, бойко продолжает говорить о деле:

— Он сообщил и фамилии остальных. Постой, постой, — вспоминает, — Краюшкин, Лыков, Огородников, Вакулин. Вакулин — это тот, что был у Михеева. — Улыбается Коле. — Вот какая у меня память на фамилии.

— Краюшкин, — задумчиво говорит Сергей, — тоже первая буква «К».

Ирина нетерпеливо возражает:

— Но ведь промокашка была у старшины — значит, это его могила, вот мы и сообщили его матери.

— Да, да, — кивает Сергей, — все же я хотел бы посмотреть это письмо. Можно?

Ирина воспринимает эту просьбу как желание с ней встретиться, пожимает плечами:

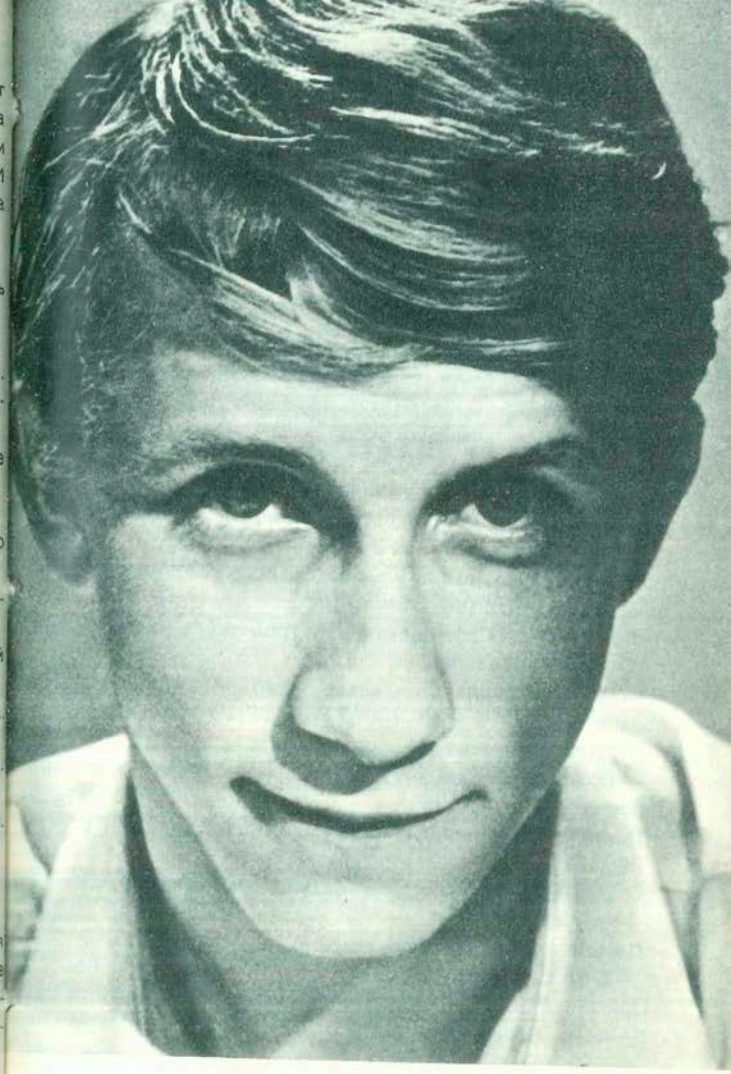
— Я эти дни в школе не буду, но там всегда девочки... Зайди к ним, возьми, почитай... Пока!

Она посмотрела на Колю, они пошли... Смеются, разговаривают...

Сергей идет по улице задумавшись. Потом печально усмехается... Так-то, мол, брат...

Среднерусский пейзаж переходит в сибирский.

Кружит в небе самолет. Под самолетом Ангара, текущая меж скалистых гор, покрытых бескрайним лесом. С берегов нависают причудливые обрывы, усеянные гранитными россыпями, прослоенные бурыми, желтыми, красными известняками, обнажающими первозданное строение земли.



Село Бокари.

У берега вскопанные огороды, черные бани, сени на подпорках, лодки, привязанные к врытым в землю столбикам.

По обе стороны широкой улицы торцом выходят бревенчатые черно-серые избы с резными наличниками, под тесовыми крышами, поросшими зеленым мохом. Двор, вымощенный досками и увешанный сохнущей рыбой.

По-сибирски просторная изба. Горница, за ней спальня.

В переднем углу — божница, полочка с иконами, в другом — угловик с зеркалом и вышитым полотенцем. Рядом — приколотые к стене фотографии.

На скамейке — хозяйка дома Антонина Васильевна Бокарева, старушка семидесяти лет, сидит опустив на колени натруженные руки.

За столом соседка и мужчина — покупатель.

— Слыхали, дом продаете, Антонина Васильевна? — спрашивает покупатель.

Антонина Васильевна улыбается, подымает палец к уху, показывает, что плохо слышит.

— Насчет дома спрашивают, — громко объясняет соседка, — как, продаешь?

— Продаю, продаю, — кивает головой Антонина Васильевна.

— Переселяетесь? — спрашивает покупатель.

— Совсем уезжаю, — значительно отвечает Антонина Васильевна.

Покупатель оценивающим взглядом осматривает избу.

— Далеко?

— В самую Россию, город Корюков, не слыхали?

— Нет, однако.

Покупатель обходит дом, осматривает, трогает стены.

— Дом-то кому принадлежит?

Антонина Васильевна недоуменно смотрит на него.

— Кому... Мой он, дом-то.

— Они спрашивают, на кого дом записан? — объясняет

соседка. — Беспокоятся: купят, а потом наследники или еще кто объявится.

Антонина Васильевна. Нету у меня наследников... Я в войну и мужа и сына потеряла. Одинокая я. Вот, к сыну еду. Пропал безвестно в войну, а теперь нашлась его могилка. К ней и еду.

— Как же разыскали его могилку? — спрашивает покупатель.

— Нашлись добрые люди, разыскали, — отвечает Антонина Васильевна.

Скорбное лицо матери.

— Радость-то какая, — говорит соседка, — не раскиданы, значит, по земле его косточки. Уж такое утешение тебе, Васильевна, на старости лет, такое утешение.

Покупатель подходит к фотографии.

На снимке — Бокарев, бравый, щеголеватый старшина с гвардейским значком и медалью «За отвагу», с широким командирским ремнем и портупеей через плечо.

— Орел, чистый орел, — вздыхает соседка, — смелый

был, рисковый. С хозяином на медведя ходил. Я, бывало, говорю ему: Костя, малой ты еще, а он на меня эдак посмотрит, отвернется: не встревай, мол, баба, не в свое дело.

Антонина Васильевна напряженно слушает ее.

— Белку добывал, — продолжает соседка, — а уж из лесу вернется, все девки его. Парень видный, бравый.

Покупатель. Далеко ехать-то?..

Антонина Васильевна. Далеко. Я-то ведь дальше околицы не ездила. И не ехать нельзя. Сколько лет ждала, знала, не мог он безвестно пропасть. Теперь хоть поживу возле его могилки.

Соседка *(сочувственно)*. Поживи, Васильевна, да возвращайся, как ее начинать, жизнь-то, на новом месте.

Покупатель кидает на нее недовольный взгляд: дура, чего отговариваешь?..

Соседка спохватывается и умолкает.

— Сколько мне жить-то осталось, — вздыхает Антонина Васильевна, не замечая этих взглядов, — вот и поживу возле сыночка своего дорогого.

Соседка растроганно смотрит на нее.

А покупатель все осматривает дом.

— Поветшала изба-то, — говорит он, — не содержится как полагается. Дом-то, он мужской руки требует...

Антонина Васильевна. Это верно, не было мужчины в доме. Чего не было, того не было.

Покупатель. Ему бы ремонтик, тогда и цену подходящую можно бы назвать.

Антонина Васильевна. На ремонт деньги нужны, а где их взять?

Покупатель. Вам, как матери героя, колхоз должен помочь, сельсовет.

Соседка. Ей уже предлагали, отказалась.

Покупатель. Зря отказались...

Антонина Васильевна. Нет уж... Какой есть, такой покупайте. Я за дом деньги беру, не за сына. Сыну моему цены нет.

В школе размещается немецкий штаб, в домах — штабные офицеры.

Квартирьеры выгоняют жителей из домов.

— Давай, матка, давай, шнель!

С вещами, толкая впереди себя тележки, с детьми на руках, идут по улице выселенные жители. Среди них — Агапова и дочь.

Квартирьеры прочесывают улицу.

Заходят в дом Агаповых, осматривают двор, открывают сеновал, дают короткую очередь.

Уходят, не обнаружив Бокарева и Краюшкина.

Пуля задела ногу Краюшкина.

Бокарев перевязывает рану:

— Кость цела...

— Капельное дело, — морщится Краюшкин.

— Ночью уйдем, — говорит Бокарев.

Проносятся штабные машины, останавливаются у домов, денщики готовят жилье для офицеров, связисты тянут шнур, выезды с улицы огораживаются шлагбаумами, возле них посты.

В доме Агаповых поместился штабной офицер с шофером-денщиком.

Офицер уходит в штаб.

Денщик — толстый, рыжий немец — приводит в порядок жилье.

Во дворе их машина «Оппель-капитан».

Бокарев *(шепчет)*. Машину угнать...

Краюшкин. Можно бы.

Бокарев. Ночью посмотрю.

Краюшкин. Стукнешь дверью, они и услышат. Днем посмотри, как обедать уйдут.

Шофер с судками уходит за обедом.

Бокарев спускается с сеновала, заглядывает в машину.

На щитке — ключ зажигания.

Через щель забора Бокарев смотрит на улицу, видит шлагбаум.

Бокарев и Краюшкин на сеновале.

Б о к а р е в. Не получится с машиной: шлагбаум по обе стороны. Придется так уходить. *(Кивает на ногу Краюшкина.)* Дойдешь?

К р а ю ш к и н. Не знаю, однако... Может, тебе лучше одному уйти?

Б о к а р е в *(злобно)*. В плен захотелось?!

К р а ю ш к и н. Зря говоришь! Пережду, долго ли они здесь будут? Ты молодой, здоровый, тебе есть надо, а у нас одна буханка, надолго ли хватит?...

Б о к а р е в *(бросает ему буханку)*. На, жри!

К р а ю ш к и н. Непонятливый ты. Я не о себе, я о тебе.

Б о к а р е в. Молчи! Не могу я тебя оставить, отвечаю за тебя, понял? Вместе уйдем.

К р а ю ш к и н. Вместе так вместе. *(Кивает на улицу.)* Лошадей там не видать?

Б о к а р е в. Зачем тебе лошади?

К р а ю ш к и н. Ежели лошади есть, за сеном сюда полезут.

Б о к а р е в. Нет лошадей, танковая часть.

К р а ю ш к и н. Тогда порядок.

Ночь.

С сеновала осторожно спускается Бокарев.

Его тень мелькает по двору.

Бокарев через забор перелезает на соседний двор. Там спят немецкие солдаты.

С поразительной дерзостью Бокарев подходит к ним, берет лежащий на скамейке индивидуальный пакет, видит гранаты, набивает ими карманы, уходит... Возвращается, берет автомат с дисками.

Бокарев и Краюшкин на сеновале.

Бокарев перевязывает Краюшкину ногу, удовлетворенно говорит:

— Затянет в два дня.

— Рисковый ты парень. — Замечает Краюшкин, — хватятся — будут искать.

— Не будут, не беспокойся, — уверенно отвечает Бокарев, — а будут — есть чем отстреливаться. А дойдет до крайности — выйдем на улицу и закидаем их гранатами.

Краюшкин молчит.

Снова ночь.

Бокарев опять спускается с сеновала, опять его осторожная тень мелькает по двору.

Перелезает через забор на соседнюю улицу.

Крадется вдоль заборов.

Проходит немецкий патруль.

Бокарев прижимается к забору.

Бокарев во дворе, где размещена немецкая кухня... видит консервные банки, берет одну, но вторая банка падает со стуком...

Бокарев перемахивает через забор.

Стук банки разбудил немцев, они видят перелезающего через забор Бокарева, стреляют.

Бокарев перебегает улицу. Патруль открывает по нему огонь...

В штабе тревога...

Бокарев скрывается в переулке, уходит в другую сторону от сеновала, чтобы не выдать Краюшкина. Наклонясь к земле, бежит к огородам, падает, ползет между грядками. Уходит в лес...

Вслед ему раздается одиночный, теперь уже безопасный для него выстрел.

Сергей подходит к пятиэтажному дому.

Поднимается по лестнице.

Звонит. Никто не открывает.

Сергей выходит на улицу. Прохаживается возле подъезда.

Незнакомый город... Незнакомые люди.

Размахивая портфелем, подходит Зоя Краюшкина, высокая, симпатичная десятиклассница, в очках.

Зоя и Сергей вопросительно смотрят друг на друга.

З о я. Вы к нам?

С е р г е й. Я к Краюшкиным.

З о я. Значит, к нам.

С е р г е й. Я по поводу твоего *(посмотрел, прикинул)* дедушки, наверно...

З о я. А-а... Папе звонили из военкомата. *(Протягивает руку.)* Зоя. Папы нет дома, он в клинике. Пойдемте, подождем.

С е р г е й. Я тороплюсь, уезжаю семичасовым.

З о я. Тогда пойдем, перехватим его по дороге.

Сергей и Зоя идут по улице.

З о я. А зачем тебе нужен мой дед?

С е р г е й. Выясняем: его могила, не его.

З о я. А какая разница? Ему это теперь безразлично. Мне, например, все равно, где меня похоронят, пусть лучше сожгут. Могилы! *(Пожала плечами.)* Зарастут травой, и все! Энгельс велел после смерти сжечь себя, а пепел развеять в море.

С е р г е й. Это личное дело Энгельса, Маркс такого распоряжения не давал. Как его звали, твоего деда?

З о я. Его... Папу зовут Валерий Петрович. Значит, его звали Петр...

С е р г е й. А отчество?

Зоя разводит руками.

С е р г е й. Запинаешься! «Уважение к минувшему, вот черта, отличающая образованность от дикости». Пушкин!

Зоя удивленно смотрит на него.

У Сергея такой вид, будто он поэт, но из скромности умалчивает об этом...

Хорошо обставленное жилище преуспевающего врача — кабинет Валерия Петровича Краюшкина.

В креслах Сергей и Зоя.

Валерий Петрович ходит по комнате, смотрит фотографию, растроганно говорит:

— Да, это мой отец.

Зоя протягивает руку.

— Дай мне, папа.

Она рассматривает фотографию.

Валерий Петрович показывает ей Краюшкина.

— Вот он.

З о я. Ему здесь столько же лет, сколько тебе сейчас...

В а л е р и й П е т р о в и ч. Да, по-видимому.

З о я. Но выглядит он старше.

В а л е р и й П е т р о в и ч *(Сергею)*. Значит, при нем не было никаких документов. Как же вы его узнали?

С е р г е й. Удалось.

В а л е р и й П е т р о в и ч. Да-да, конечно... Военные архивы, однополчане, понимаю, понимаю...

Сергей едва заметно иронически улыбается.

— Дело нетрудное.

Зоя перехватила его улыбку. Смотрит на Сергея, потом на отца.

В а л е р и й П е т р о в и ч. Мы тоже узнавали. Но нам сообщили: пропал без вести.

Зоя хочет что-то сказать, но сдерживается.

С е р г е й. А когда было последнее письмо от вашего отца?

В а л е р и й П е т р о в и ч. В сентябре сорок второго года. Писал отец, что отправляется в другую часть, обещал сообщить новую полевую почту, но не сообщил, пропал без вести... Как видите, письмо было короткое, отец вообще особенно не расписывался, он был простой шофер...

В голосе Валерия Петровича звучит привычная нотка гордости за то, что его отец — простой шофер, а вот он, его сын, — врач.

С е р г е й. Это точно? Последнее письмо было в сентябре сорок второго года?

В а л е р и й П е т р о в и ч. Именно так, в сентябре сорок второго года.

С е р г е й. Оно есть у вас?..

В а л е р и й П е т р о в и ч. К сожалению, нет, затерялось с этими переездами... Фотография отца сохранилась.

Он достает из стола альбом с фотографиями, перелистывает. Мы видим старое довоенное фото, на нем изображен молодой Краюшкин с женой.

Валерий Петрович. Собирался я его увеличить. Но жена говорит, что сейчас фотографии на стены не вешают, только картины. *(Показывает картины на стенах.)* Неприлично выставлять на обозрение своих родственников. Может быть, это так... может быть, не так, не знаю.

Зоя хмурится, ей неудобно это слушать.

Сергей. Нам рассказывали, будто один наш солдат разгромил немецкий штаб. И мы не знаем, кто это сделал: ваш отец или кто другой.

Валерий Петрович *(разводит руками)*. Тихий человек... Штаб разгромить *(улыбается)* — значит, очень уж его рассердили немцы... Он был добрый, любил детей. Покойная моя мать рассказывала: когда отец уходил на войну, он взял на память о нас, о сыновьях, нашу игрушку...

Сергей *(взволнованный внезапной догадкой)*. Какую игрушку?

Валерий Петрович. Что-то из детского лото... Знаете, есть такие детские лото: большая карта с картинками и маленькие картонки с отдельными картинками. Вот одну такую картинку он взял.

Сергей *(взволнованно, настойчиво)*. Какую именно?

Валерий Петрович. Какую именно, я не помню... На этих картинках изображались зверята, птицы...

Сергей *(как бы про себя)*. Зайцы, утки... *(Вопросительно смотрит на Валерия Петровича.)*

Валерий Петрович. Вот именно, что-то в этом роде...

Сергей *(смотрит на часы, встает)*. Мне пора.

Валерий Петрович. Оставайтесь у нас обедать.

Сергей. Спасибо, надо ехать.

Валерий Петрович. Может быть, нужны деньги на памятник?

Сергей. Нет, все уже сделано. До свидания. *(Направляется к двери.)*

Зоя *(встает)*. Я тебя провожу.

Перекинутый через железнодорожные пути деревянный пешеходный мост. Облокотившись о перила, стоят на нем Сергей и Зоя, смотрят на движущиеся под ними составы.

Зоя. У папы масса работы, он такой затырканный. Потом мама... Для нее дед — чужой человек.

Сергей молчит.

Зоя. Ты думаешь, это был мой дед?

Сергей. Если бы сохранилось его последнее письмо, все было бы гораздо яснее.

Зоя. Я могу чем-нибудь помочь?

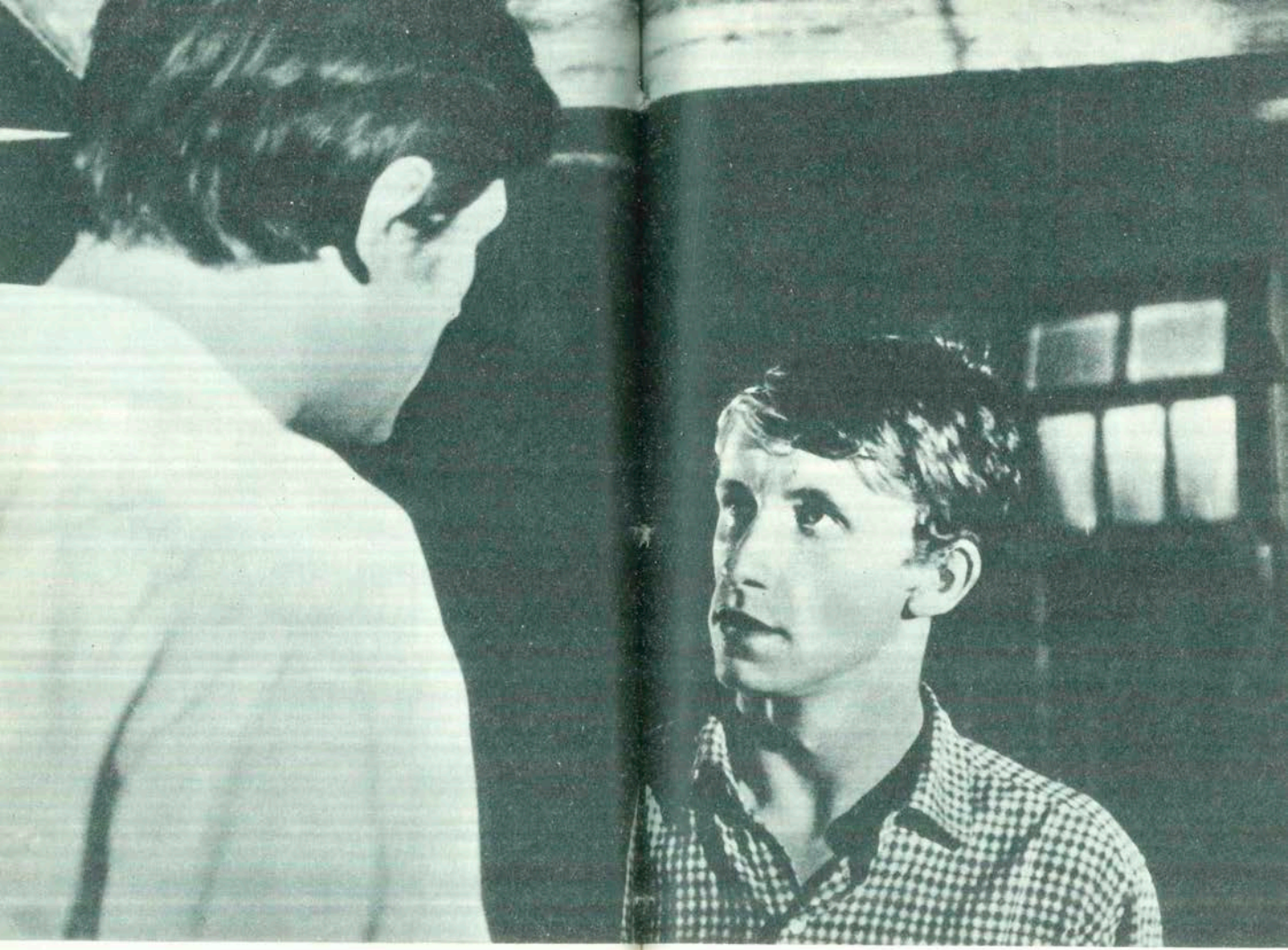
Сергей. Да ничем...

Смотрят на большие перонные часы.

Приближается поезд...

Шатер-столовая. За столом — Воронов, перед ним — Сергей.

Воронов. Исчезаешь? А кто будет работать? Бегаешь! А перед получкой ко мне прибежишь: выведи, товарищ Воронов, мне зарплату. Нет, извините, я за вас под суд не



намерен. Человек должен выполнять свои обязанности! А личные дела в нерабочее время. У всех, знаешь ли, родственники, девочки, то да се.

С е р г е й *(думает, потом нехотя)*. Да я не к родственникам. Я узнавал насчет солдата.

В о р о н о в *(разводит руками)*. Ну, знаешь, братец, ты даешь! Сегодня ты насчет этого солдата... *(В шатер заглядывает Юра.)* Завтра вон Юрка насчет другого... *(Юра исчезает.)* Послезавтра Егоров поедет за третьим... Так все разбегутся...

Входит Виктор Борисович, садится.

В о р о н о в. ...Мы свое дело сделали. Могилу перенесли, документы сдали. И довольно! Чтобы было в последний раз! Дорогу надо строить.

Понурив голову, Сергей уходит.

В о р о н о в *(Виктору Борисовичу)*. Видели его! Нашел себе занятие, следопыт какой! Фенимор Купер!

В и к т о р Б о р и с о в и ч. А кто должен думать о наших могилах? Разве не наши дети?

Воронов разводит руками.

— Ну, знаете... Мы не можем...

Виктор Борисович перебивает его:

— Нет уж, вы меня не перебивайте, позвольте уж мне сказать... Когда наши дети перестанут о нас думать, тогда и дороги не будут нужны. По этим дорогам люди должны ездить, люди!

В о р о н о в *(кипятится)*. Ничего еще в жизни не умеет, ему еще надо научиться работать, человеком стать.

В и к т о р Б о р и с о в и ч *(подхватывает)*. Вот именно человеком. И сохранить такое чувство в мальчишке — ценнее всего. А то мы говорим: «Человек с большой буквы». Только эту большую букву понимаем как прописную. *(Чертит пальцем на столе большую букву «Ч».)*. Нет, это не прописная буква, это то, что зарождается в таком вот Сережке. И это надо уметь увидеть и поддержать... Вы уж извините меня!..

Виктор Борисович встает и, забыв на столе шляпу, выходит из шатра под дождь...

Воронов смотрит ему вслед, потом на шляпу, забытую инженером на столе.

Жилой вагончик. Койки. Под ними — сундучки, чемоданы. В углу висят телогрейки и дождевики, отдельно в целлофановом мешке — шикарный плащ. На стенах — картинки из журналов и фотографии. На столе, в граненом стаканчике, букетик полевых цветов — походный мужской уют.

Андрей лежит на койке, читает. На дальней койке кто-то спит. Юра сидит за столом, продолжает начатый разговор:

— Если говорить по-настоящему, без дураков, то Воронов прав. А работать когда? О живых надо думать!

Андрей, не отрываясь от книги, иронически:

— Свежие мысли.

Ю р а. Я нужен людям, пока я работаю, действую, существую. Вкалывать надо! Будешь вкалывать — заработаешь! Заработаешь — живи как человек!

А н д р е й. Сколько у тебя на сберкнижке? На машину хватит?

Входит Сергей, разувается.

Спавший рабочий просыпается, садится на койке.

Ю р а. Все мы люди. И не надо представляться, лучше, чем мы есть. Серега перед девчонкой фигурирует, хочет показаться таким особенным, необыкновенным...

Сергей подымает голову, смотрит на Юру.

Ю р а. У меня в войну погибли дед и дядя и еще дядя. Что же мне теперь делать? Бегать по всему свету, могилы их искать? Вот и выходит: Серега наш — добрый, гуманный, а мы — варвары! Нет, мы не варвары, мы — работники! Вот тот, кто работать не умеет и не хочет, — тот на таких штуках и высовывается. Хоть могилками, да возьмем!

С е р г е й *(заикаясь)*. А ты подлец!

Ю р а *(подходит к нему)*. Что ты сказал? *(Замахивается.)*

Сергей неожиданно бьет его по лицу.

Они схватываются.

Могучий Андрей разнимает их, откидывает Юру в угол.

— Успокойте ваши нервы! Пойдем, Серега, пройдемся.

Андрей и Сергей выходят.

Рабочий встает с койки; проходя мимо Юры, говорит:

— А ты гад, оказывается.

Юра один в вагончике.

Краюшкин в своем убежище, смотрит в щель между досками. Подъезжают и отъезжают машины, проходят по улице солдаты и офицеры, снуют денщики и ординарцы, слышна немецкая речь.

Улучив момент, когда денщик ушел, Краюшкин выходит во двор, консервной банкой набирает в бочке воду, возвращается.

Жует хлеб, запивает водой, подбирает крошки.

Лежит, пытаясь заснуть, достает промокашку, нюхает ее, задумывается.

Потом приподнимается, прислушивается.

Слышны звуки близкого короткого боя: пулеметные и автоматные очереди, винтовочные и пистолетные выстрелы, разрывы гранат... Потом все стихает.

Краюшкин снова прильнул к щели.

Немцы обеспокоены боем. Движение машин по улице усиливается. Проходят броневики. Танки занимают круговую оборону. Увеличились посты, появились патрули.

Теперь Краюшкину не уйти.

Денщик что-то мастерит во дворе, потом подходит к сараю, широко открывает ворота, что-то ищет.

Краюшкин зарылся в сено, притаился, держит автомат наготове.

Денщик берет доску, осматривает ее и, удовлетворенный осмотром, уходит. Ворота в сарай остались открытыми.

Краюшкин жует хлеб, аккуратно доедает крошки, допивает остатки воды из консервной банки.

С улицы доносится отдаленный шум.

Краюшкин прислушивается, тихонько раздвигает сено, смотрит в щель.

По улице ведут колонну русских пленных.

Они идут по четыре человека в ряд; голодные, заросшие, хмурые лица.

Среди пленных Краюшкин видит раненого Бокарева, он идет хромая, опираясь на плечо товарища.

Бокарев поднимает голову, кидает короткий взгляд на дом, на сарай, где прячется Краюшкин, как бы пытается догадаться — там ли еще Краюшкин или обнаружен немцами, а может быть, сдался им.

Колонна движется по улице. Из штаба выходит полковник, выходят офицеры, из домов — солдаты, шоферы, денщики, толстые, здоровые, упитанные, смотрят на пленных.

В штабе тот короткий предвечерний час, когда дневная работа кончилась, а вечерняя еще не началась. Можно отдохнуть на теплой улице, окрашенной прекрасным заходящим солнцем.

И есть повод — зрелище прогоняемых по улице военнопленных.

Краюшкин натягивает на себя шинель, закладывает по карманам гранаты, прячет под полой автомат... Затем незаметно спускается с сеновала...

Краюшкин выходит на улицу, где расположен немецкий штаб.

Он идет посередине улицы — обросший, худой, помятый, похожий на пленного, отставшего от колонны, которая виднеется в конце улицы.

И немцы принимают Краюшкина за пленного, отставшего от колонны... Их обманывает то, как спокойно, уверенно, на глазах у всех он идет.

— Алло! Рус!

Краюшкин не отвечает, не оглядывается, идет как оглушенный.

Полковник усмехается, что-то говорит стоящему рядом офицеру. Тот направляется к Краюшкину... Но не доходит.

Краюшкин выхватывает гранату и бросает ее в полковника.

Взрыв!

Полковник падает... Падают еще офицеры, другие бросаются за угол дома.

Краюшкин идет посередине улицы и бросает гранаты...

Направо!

Налево!

Одна!

Другая!

Третья!..

Взрыв!

Взрыв!

Взрыв!

Колонна пленных останавливается. Среди конвойных замешательство.

Немцы из-за машин, из-за углов зданий открывают огонь по Краюшкину.

Бокарев кидается на конвойного, вырывает у него автомат. Пленные разоружают конвойных, стреляют по ним, бегут к лесу.

Но Бокарев не бежит, он стоит на месте и смотрит на идущего по улице Краюшкина.

Товарищ хватает его за плечо.

— Чего стоишь?! Бежим!

— Это мой солдат! — кричит Бокарев...

Рвется к Краюшкину... и падает...

Товарищи подхватывают Бокарева и скрываются в лесу...

А Краюшкин идет посередине улицы, освещенный багрянцем заката, и бросает по сторонам гранаты, неуязвимый для пуль, точно заговоренный, символ несгибаемой и непокоренной России.

Краюшкин падает.

Немцы бегут к нему.

Краюшкин приподнимается и из автомата стреляет по немцам, по машинам, по окнам штаба.

И падает наконец, убитый...

К нему подбегают немцы, стреляют уже по мертвому, переворачивают, опять стреляют.

Мчится немецкая санитарная машина.

Горит легковой автомобиль.

Санитары кладут на носилки убитых офицеров и солдат...

Подъезжает машина, из нее выходит генерал, подходит к убитому Краюшкину.

Краюшкина переворачивают. Генерал всматривается в его лицо... Но лица мы не видим... Что-то изрешеченное пулями, залитое кровью, заросшее щетиной.

Все ниже склоняется солнце, длинные тени могучих дубов пересекают улицу.

Чуть заметный холмик темнеет на опушке леса — могила Краюшкина.

Осень, льют дожди, замывают могилу.

Зима, заметает ее снег.

Весна, почти не видна уже могила.

Топчут ее отступающие немцы.

Сравнивают с землей танки, преследующие врага.

Молодой подлесок наступает на опушку. Склоняется листва над могилой.

Гремят салюты победы.

Все такой же город Корюков.

Бежит новая автомагистраль, закрывает могилу Краюшкина. Теперь могила возле дороги, обнесена новым штакетником.

Бежит дорога дальше и обрывается. Замерли катки, бульдозеры, самосвалы. Вечер.

Только ярко светятся вагончики дорожно-строительного отряда.

Вагончик. Ночь. На койках — спящие люди.

Сергей поет, подыгрывая себе на гитаре:

«Я сегодня до зари встану,
По широкому пройду полю.
Что-то с памятью моей стало,
Все, что было не со мной, помню.
Бьют дождинки по щекам впалым.
Для вселенной двадцать лет мало.
Даже не был я знаком с парнем,
Обещавшим: «Я вернусь мама».
А степная трава пахнет горечью,
Молодые ветра зелены.
Просыпаемся мы — и грохочет
Над полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны».

Рядом сидит Виктор Борисович, читает письмо:

«Обращаюсь с нижайшей просьбой подыскать какой ни на есть домик... У нас тут дома дешевы, а в России, говорят, дороже, так я и корову продаю и люди в селе помощь обещают. С низким поклоном к вам. Бокарева Антонина»...

Виктор Борисович. Ситуация. *(Подходит к висящей на стене карте, включает над ней лампочку.)* Где партизаны похоронили Бокарева?

Сергей. Лес в пяти километрах от деревни Сосновка.

Виктор Борисович *(водит пальцем по карте).* Вот наш Корюков, вот деревня Сосновка... Вот лес... Искать придется долго... А как быть с матерью?

Сергей. Напишем, чтобы не ехала, чтобы не продавала дом, пусть подождет, пока найдем.

Виктор Борисович. Потеряла сына один раз, теперь теряет опять...

Сергей поет:

«Обещает быть весна долгой,
Ждет отборного зерна пашня,
И живу я на земле доброй
За себя и за того парня.
Я от тяжести такой горблюсь,
Но иначе жить нельзя, если
Все зовет меня его голос,
Все звучит во мне его песня.
А степная трава пахнет горечью,
Молодые ветра зелены.
Просыпаемся мы — и грохочет
Над полночью
то ли гроза, то ли эхо прошедшей войны».

Обрывает песню и говорит:

— Да, придется ехать...

Виктор Борисович *(размышляет).* Вот только Воронов... Время горячее, может не пустить...

Сергей *(все больше укрепляясь в своем решении).* Возьму отпуск за свой счет. Не даст — уволюсь.

Виктор Борисович. Я думаю, до этого не дойдет.

Виктор Борисович вынимает деньги, кладет на кровать.

— На дорогу!

Сергей. Не надо, я достану... Да и есть у меня.

Виктор Борисович. В банке? В сейфе?

Жаркое утро. На трассе работают люди, движутся механизмы.

Из вагончика выходит Сергей с рюкзаком на плече.

Ему навстречу в вагончик вбегает Андрей.

— Подожди, Серега!

Андрей выходит из вагончика, в руках у него уже знакомый нам плащ в целлофановом мешке, протягивает его Сергею.

Сергей. Зачем? Жарко ведь.

Андрей. В Сибири пригодится.

Сергей. Как я его потащу?

Андрей вынимает плащ из мешка, засовывает в Сережин рюкзак, бежит к своему бульдозеру.

Сергей идет вдоль трассы.

Проходит мимо работающих женщин.

Его окликает Ермакова:

— Сережа!

Она подходит к обочине, где лежат ее вещи, достает кулек, протягивает Сергею.

— Пирожки на дорогу, утрешние, тепленькие...

— Спасибо, тетя Катя!

Сергей идет дальше. Его маленькая фигурка на шоссе.

Ермакова смотрит ему вслед, смахивает слезу.

Сергей идет мимо катка. Его окликает Маврин в тельняшке:

— Серега!

Сходит с катка, протягивает Сергею деньги.

— Ребята собрали. — Потом шутливо: — Не пропьешь?

— У меня есть, — отказывается Сергей.

— Брезгуешь нами?

Сергей кладет деньги в карман, переступает с ноги на ногу...

— Ну, спасибо!

Идет дальше и поет.

У своего самосвала — Юра, тут же — Воронов... Вдалеке виден идущий по шоссе Сергей, за плечом рюкзак, в руках кулек с пирожками.

Юра вопросительно смотрит на Воронова.

Воронов, сердясь на самого себя, желчно говорит:

— А ты что, не можешь его до вокзала подбросить?!

Самосвал срывается с места, мелкий гравий брызнул из-под колес на рабочих...

Рабочие смотрят ему вслед, видят: самосвал догнал Сергея, остановился. Юра высунулся из кабины, что-то говорит Сергею, тот не отвечает, идет дальше, самосвал медленно едет рядом с ним...

Так они и скрываются за горизонтом — идущий Сергей и рядом с ним медленно движущийся самосвал.

Самолет ИЛ-14 в воздухе.

Пассажиры: командировочные, бородатые геологи-изыскатели в джинсах и в туристских куртках, с рюкзаками за спиной, в кедах, женщины в брюках, загорелые отпускники, колхозники, районная ителлигенция... Люди нового Севера.

Рядом с Сергеем здоровенный парень, по виду механик, держит на коленях горшок с большим цветком — подарок юга.

Под крылом самолета сначала Енисей, речной порт с портовыми кранами, баржами и речными трамваями... Потом грандиозное здание Красноярской ГРЭС; наконец, бесконечная тайга — горы, покрытые лесом и прорезанные голубыми лентами рек.

Сергей, не отрываясь, смотрит в окно...

— Зрелище! — говорит сосед, осторожно наклоняя цветок и перегибаясь через кресло, чтобы тоже увидеть тайгу. — Тайга! Вы в гости, к родным?

С е р г е й. Я по делу... В Бокари... А вы?

С о с е д. А я сам из Бокарей.

С е р г е й. Вы не знаете таких — Бокаревых?

С о с е д. Я сам Бокарев.

С е р г е й. Да? *(С интересом смотрит на него.)*

С о с е д. У нас почти все Бокаревы, оттого и село Бокари. А может быть, и наоборот: оттого Бокаревы, что село Бокари... Какие Бокаревы вам нужны?

С е р г е й. Бокарева Антонина Васильевна.

С о с е д. Антонина... Тоня... У нас Тонечек тоже полно. Кто она, где работает?

С е р г е й. Ей семьдесят лет.

— А... — догадывается сосед. — Вряд ли застанете ее. Собиралась она уехать из Бокарей. Сын ее нашелся. Пропал в войну без вести и вот через двадцать семь лет нашелся. Она и уезжает к нему. А может быть, уже и уехала.

Сергей во все глаза смотрит на соседа...

Открыты сундуки, оголены стены.

Антонина Васильевна укладывает вещи, продолжает разговор с Сергеем:

— Вот, дом продала... На новом месте без денег дома не купишь, хоть самого плохонького, а не купишь.

— Куда же вы едете? — спрашивает Сергей.

— Далеко, милый, в самую Россию, город Корюков, не слыхали?

Сергей смотрит на нее.

— К сыну на могилку еду, — продолжает старуха. — Нашлись добрые люди, схоронили его, Костю моего, спасибо им, и матерям и отцам их спасибо, вырастили сыновей благородных.

Она низко, до земли кланяется неведомым людям, разыскавшим могилу ее сына.

— Надо бы, конечно, все там устроить, потом ехать, — продолжает Антонина Васильевна, — да ведь некому устраивать-то, одна я, никого нет у меня... Да и когда устраиваться-то? Стара я, не знаю, доеду ли... А может, и доеду. Хоть одним глазком взгляну на его могилку. А умру — похоронят неподалеку. Сколько мне осталось жить-то?

Сергей смотрит на Антонину Васильевну. Потом на стены, на фото.

На фото Бокарев и Клавдия... Молодые лица, возникшие из тумана времени, красивые, веселые, полные надежды и любви...

Антонина Васильевна показывает на Клавдию.

— Это вот невеста его, Клавдия. Хорошая, писал, женщина, самостоятельная, одинокая... Да вот, не пришлось им...

Сергей *(собравшись с духом)*. Антонина Васильевна, я из Корюкова, приехал к вам...

Антонина Васильевна садится на скамейку, опускает на колени натруженные руки, внимательно и напряженно смотрит на Сергея. Сергей переводит дыхание, продолжает:

— Мы установили место гибели вашего сына. Это не в самом Корюкове, а в Корюковском районе, возле деревни Сосновка, там он захоронен в лесу партизанами. Могилу ищем и, надеюсь, найдем. Может быть, вам подождать с отъездом?

Старуха думает, потом говорит:

— Не осталось мне времени ждать. Поеду. Поживу на той земле, где погиб мой Костя. А там, может, и могилка его найдется.

Из попутной машины на шоссе выходит Зоя Краюшкина, осматривается, видит: походной колонной выстраиваются на дороге трайлеры, на них — дорожные машины, самосвалы, к ним прицеплены вагончики. Отряд переходит на новое место.

Свертывается шатер-столовая, убирается Доска почета, складываются на машины инструмент, бочки, незатейливое хозяйство отряда.

Воронов всех торопит:

— Быстрее! Быстрее!

Зоя подходит, останавливается у группы рабочих, что-то спрашивает.

Сидоров показывает ей на вагончик.

— Вон в том вагончике, только нет его...

Стоящие в стороне рабочие смотрят, пересмеиваются:

— Опять к Сереге деваха, ну и ходок!

От рабочих отделяется Андрей, подходит к Зое.

— Сергея нет, он уехал.

Рядом Ермакова складывает в кузов лопаты и грабли, слышит их разговор.

— А-а, — разочарованно протягивает Зоя, и стоит, не зная, что ей делать...

— Он тебе нужен? — спрашивает Андрей.

— Да, — отвечает Зоя. — ...Видите ли, здесь должна быть могила...

— А тебе она зачем? — спрашивает Андрей.

— Там мой дедушка, — отвечает Зоя.

Андрей смотрит на нее, потом говорит:

— Так ведь выясняют еще...

— Нет, — возражает Зоя, — это мой дедушка...

Ермакова бросает последние грабли, вытирает руки, обнимает Зою за плечи.

— Пойдем, доченька, покажу...

Ермакова и Зоя на дороге.

— Так прямо по дороге и иди, — говорит Ермакова, — километра два пройдешь — слева и увидишь могилку...

Вагончик управления. У радиотелефона Воронов и Виктор Борисович разговаривают с начальником дорожного управления.

Воронов. Отряд передислоцируется на участок деревни Сосновка по вашей телефонограмме.

Начальник. Кто принимал телефонограмму?

Воронов. Вот, Виктор Борисович.

Начальник. Там было сказано — не в Сосновку, а в Семеновку. А в Сосновку пойдет отряд Богатырева. Меняйте маршрут.

Воронов. Не могу, Аркадий Николаевич, отряд уже выступил, механизмы отправлены, квартирьеры уже арендовали в Сосновке помещения.

Начальник. Ну, раз выступили — ладно. Пошлем в Семеновку Богатырева.

Воронов. Слушаюсь! *(Кладет трубку, вопросительно смотрит на Виктора Борисовича.)*

Тот пожимает плечами.

— В телефонограмме было ясно сказано — Сосновка.

Зоя подходит к могиле, наклоняется, рвет цветы, собирает маленький букетик... Слышит шум машин, оглядывается...

По дороге походной колонной медленно приближается отряд...

В кабине первого самосвала рядом с шофером — Воронов. Не отрываясь, смотрит он на могилу, на Зою с маленьким букетиком полевых цветов в руках. На его хмуром, замкнутом лице мы видим что-то новое, далекий, но разгорающийся пламень сердца. Красивые слова, которые он произносил всегда, как нечто привычное, обыденное, теперь приобретают для него свой истинный и высокий смысл.

Воронов снимает фуражку и говорит шоферу:

— Погуди!

Длинный, торжественный гудок...

За ним другой гудок.

Это проезжает трайлер. На нем, рядом со своим катком, — Маврин в тельняшке, демобилизованный моряк, стоит, вытянувшись как на смотре, повернув голову к могиле.

Гудит следующий самосвал. В его кабине, рядом с шофером, — Виктор Борисович, мы видим его печальное лицо, перед его мысленным взором проходит его жизнь, в которой была когда-то семья, были дети — сыновья, погибшие на войне, и, быть может, чьи-то неизвестные, но заботливые руки ухаживают где-то и за их могилами...

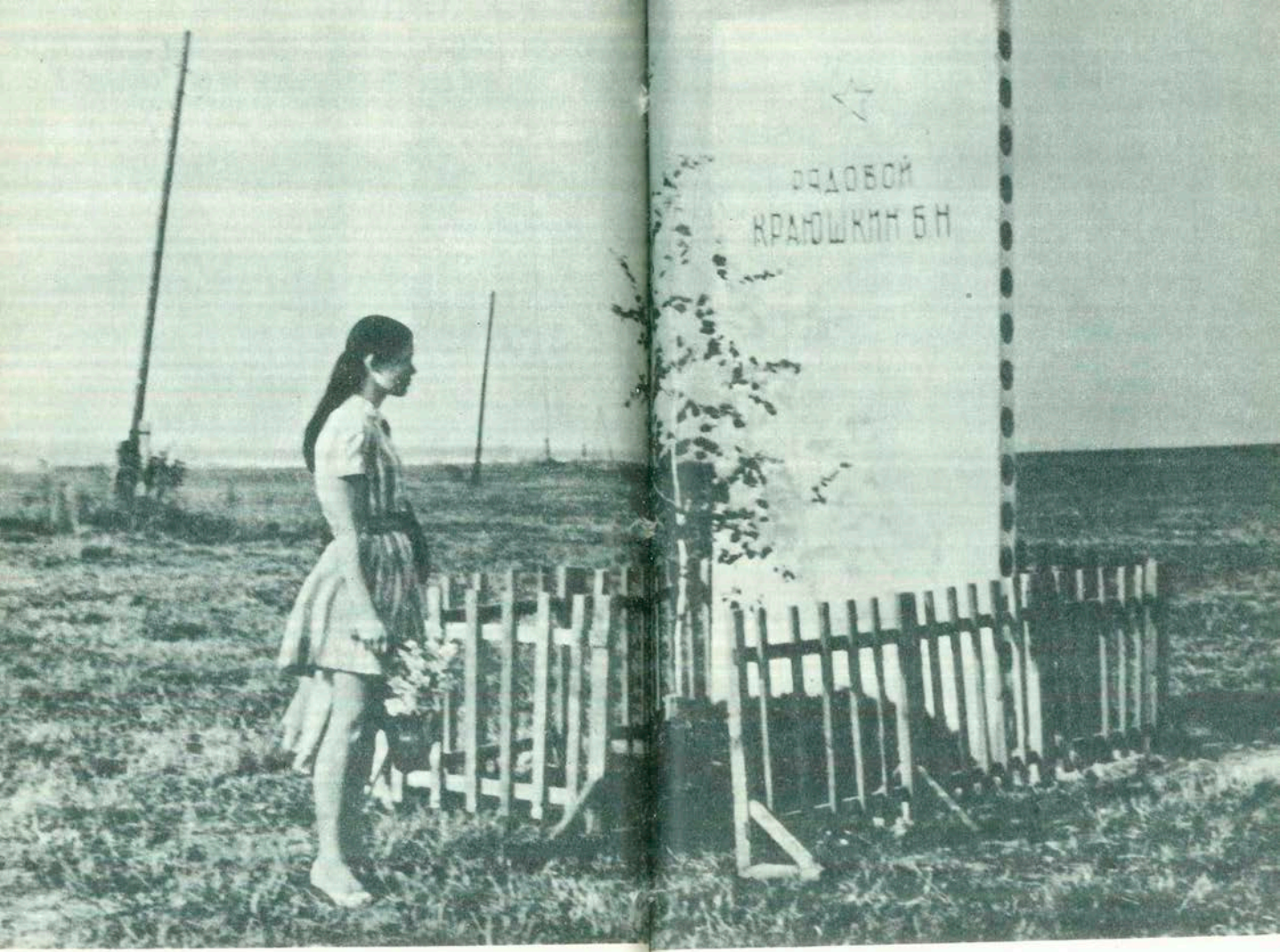
Гудят автомобили, сигналят тревожно и торжественно.

Стоит на трайлере, рядом со своим бульдозером, Андрей — простой рабочий парень, любитель книг, черпающий из них знание жизни, которая теперь предстала перед ним в своем трагическом, но истинном величии.

Гудит самосвал, тянущий вагончик. В его дверях стоит Ермакова, смотрит на могилу затуманенным взглядом женщины, потерявшей в войну мужа, он был тогда молодой, и она сама была молодой и красивой. А теперь вдова, простая работница на тяжелой дорожной работе... И все равно, жизнь прекрасна, ее красота в этой девочке с букетиком полевых цветов, в этой могиле на обочине дороги, которой отдали столько сердца такие мальчики, как Сережа.

Нажимает на кнопку сигнала Юра, у него растерянное лицо, видно, доходит до его сознания, что есть на земле ценности более высокие, чем те, к которым он стремился, есть правда более высокая, чем та, которую он исповедовал.

Рядом с ним Люда, не отрываясь, смотрит на могилу. Молодая «модная» девушка, еще легкомысленная, пустова-


рядовой
КРАЮШКИН БМ

тая, но здесь, на пороге жизни столкнувшаяся с чем-то, быть может, тяжелым, но настоящим, истинным и понявшая, что это и есть жизнь и к ней надо быть готовой.

Гудят, гудят автомобили...

На трайлере, рядом с канавокопателем, стоит Сидоров, старый солдат. Стоит как фронтовик, привыкший не к смотрам, не к парадам, а к сражениям. Перед ним — видения войны, которую он прошел от Сталинграда до Берлина, фронтовые дороги, товарищи, которых уже нет и один из которых, быть может, лежит в этой могиле.

Движется колонна, сигналят, гудят автомобили. Рабочие салютуют Неизвестному солдату, воздают ему последние воинские почести.

Скрывается вдали колонна.

Уходит за горизонт бесконечная дорога...

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Автор сценария А. Рыбаков.
Режиссер-постановщик — И. Шатров.
Главный оператор — В. Архангельский.
Художник-постановщик — А. Таланцев.
Композитор — М. Фрадкин.
Текст песни — Р. Рождественский.
Звукооператор — В. Хлобынин.

В ролях: Ю. Кузьменков (старшина Бокарев), И. Лапиков (рядовой Краюшкин), Е. Быкадоров (рядовой Огородников), В. Иванов (рядовой Вакулин), В. Страхов (рядовой Лыков), А. Кавалеров (Сережа), Ю. Катин-Ярцев (Сидоров), В. Селезнев (Воронов), Ю. Рудский (Юра), Л. Ильюшина (Зоя).

Производство Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького, 1971.

Фотографии предоставлены фотографом-художником Н. Трояновой.

Анатолий Наумович Рыбаков

«Минута молчания»

(Неизвестный солдат)

Киносценарий

Редактор **Л. А. Ильина.** Художник **Г. К. Александров.** Художественный редактор **И. С. Жихарев.** Технический редактор **Г. П. Давидок.** Корректоры **Т. М. Медведовская** и **З. П. Соколова.** Сдано в набор 24 / X 1973 г. Подписано в печать 19 / II 1974 г. А06148. Форм бумаги 70x90 1/32. Бумага тифдручная. Усл. печ. л. 4,387. Уч.-изд. л. 5,819. Изд. № 15132. Тираж 30 000 экз. Заказ 883. Цена 30 коп. Издательство «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

30 коп.